

М.
ВЕЛЛЕР

ЧТО К ЧЕМУ

Михаил Иосифович Веллер

Что к чему

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4939997
Веллер М. Что к чему: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-41360-5*

Аннотация

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВЕЛЛЕРОМ МИХАИЛОМ ИОСИФОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВЕЛЛЕРА МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА.**

Сборник новых эссе автора посвящен животрепещущим вопросам современной жизни и законам человеческих взаимоотношений. Нестандартный взгляд на привычные понятия и представления по-новому позволяет осмыслить сущность окружающего нас мира.

Содержание

Искушение	4
Жестокость	4
Предательство	15
Агрессивность	29
Искушение	34
Уровень некомпетентности	43
Стремление к поражению	49
Самоубийство	60
Доброта	87
Добро и зло	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Михаил Веллер

Что к чему

Искушение

Жестокость

Слово нехорошее. Непривлекательное. Ассоциируется с ощеренными в усмешке зубами и чем-то вроде ножа в жилистой руке, плюс сверху холодный прищур глаз. Смыкается с понятиями беспощадности, агрессивности и садизма. Мрачноватая радость от того, что заставляешь другого страдать. Возможность власти над кем-то, употребляя эту власть ему во зло: причинение зла.

Однако есть в понятии жестокости и что-то привлекательное. Сила привлекательна, и власть как проявление этой силы. Ее побаиваются, она немало может: сломить, уничтожить, навязать свою волю. Победить, заставить считаться с собой. Враги есть у каждого, мордой в лужу тыкали каждого, и каждый в воображении рисовал себе сладкие картины праведной расправы. Растравленный оскорблением человек в воображении жесток, мечтая о страхе и унижении врага. Даже мягкосердечный и слабодушный ощущает, что быть

«или хоть выглядеть» жестоким бывает приятно: пусть боят-ся и считаются, ты крутой.

Жестокость – это способность причинять другому то, что для него является злом, по своей воле и сверх необходимого для собственного благополучия. То есть убить врага в честном поединке – это нормально, а вот живьем содрать шкуру с поверженного – это уже жестоко.

Жестокая работа – убойный цех мясокомбината. Ан мясо жрут все, кроме вегетарианцев. И люди в цехе могут работать хорошие и добрые. Просто работа такая. В жизни вообще без жестокости не обойдешься: не сожрет леопард антилопу – сам сдохнет с голоду.

Жестокое зрелище – гладиаторы на арене. Хоть и по-честному – а все равно режутся до смерти.

Так вот: где «разумная мера» жестокости и как к ней относиться?

Во времена старинные в перечень обязательных эпитетов вождя входило что-нибудь типа «жестокий с врагами»; и это считалось хорошо и достойно уважения и подражания. Чтoб боялись и уважали! Однако мы давно привыкли, что мораль решительно осуждает жестокость, иногда со вздохом соглашаясь мириться с ее вынужденностью.

Итак. Жестокость бывает мотивированная и немотивированная, а мотивированная бывает вынужденная и излишняя.

Хулиган от не фиг делать изуродовал прохожего. Это жестокость немотивированная, и все негодуют. А хулиган под-

дал и бахвалится пред друзьями, как он его отделал: вот он какой крутой, жестокий, страшный, доволен собой: самоутверждается.

Прохожий кое-как оклемался через полгода, подкараулил хулигана пьяным, переломал все кости и отбил потроха, помер хулиган в страшных мучениях. Это жестокость мотивированная: сам мужика достал, ни за что изуродовал. И все говорят: жестоко, конечно, но вообще мужик прав.

А вот если он так же насмерть забьет воришку-карманника, то будет менее прав. Мотивированная жестокость, но излишняя. Паразит, конечно, карманник, семью его хотел на месяц без средств оставить, но ведь на жизнь все-таки не покушался.

А вынужденная – это солдат, убивающий в бою: а куда денешься. Вне сражений – добрый и кроткий может быть человек.

Значит. Если ты режешь корову на мясо, то вообще можешь быть человеком не жестоким, добрым. Есть надо, жить надо, а вообще ты эту корову даже любил и жалко тебе ее. Прямо плачешь, а режешь. А рука не поднимается – соседа попросишь. Гуманист. А если ты кошку просто так взял да повесил – ты человек жестокий и вообще гадкий. Должна ли корова, в отличие от кошки, оценить твою жалость и признать твой сравнительный гуманизм?..

Получается: жесток не тот, кто совершает жестокие поступки ради чего-либо, а тот, кто творит жестокость из удо-

вольствия и ради нее самой.

Наполеону очень не хотелось расстреливать четыре тысячи пленных турок в Палестине; долго вздыхал и кривился, но провианта не хватало, людей для охраны не хватало, планы наполеоновские с этими четырьмя тысячами пленных никак не увязывались... выругался, наорал на офицеров и отдал приказ о расстреле. Но египетские деревни, если там убивали хоть одного солдата, вырезал под корень и жег без колебаний: чтоб и другим неповадно было, в тылу должен царить порядок. А уж о повешенных и расстрелянных армейских интендантах при наведении порядка в Итальянской армии и говорить не приходится.

Человек истинно военный относится к жизни ясно и просто: творит меньшую жестокость, чтобы избежать большей. Повесить двоих и пресечь грабежи, чтоб в грабежах не зарезали сотню. Перестрелять зачинщиков, чтоб избежать кровавого восстания. И т.д.

Генерал авиации Польшин, воевавший в 29-м году в Китае, с удовольствием (сталинская школа) вспоминает, как Чан Кай-ши лично отдал приказ рубить головы часовым с постов дальнего оповещения, которые прозевают японские самолеты, идущие бомбить китайские аэродромы. И после этого драконовского приказа, отмечает Польшин, наши потери на земле резко сократились.

Есть несколько дежурных вопросов-утверждений, о которых необходимо упомянуть.

Правда ли, что жестокий человек – это слабый и трусливый человек? Ответ: нет, доля правды в этом утверждении невелика. Обер-палач Грозного Малюта Скуратов был человеком сильным и храбрым и погиб в бою. Но большинство опричников выказали отменную трусость при осаде Москвы в 1571 году крымскими татарами, после чего разъяренный Иван отправил ребяток на плаху; а ведь беззащитных они резали отменно и в охотку.

Жестокий преступник бывает силен и храбр: читайте уголовные хроники. Но и забитые трусоватые крестьяне, поймав конокрада, предавали его лютой казни.

Здесь надо говорить о жестокости как аспекте силы и аспекте слабости.

Сильный человек, стремясь к своему и утверждая свое, неизбежно проявляет жестокость в конфликтах с окружающими. Преодоление и подавление сопротивления. Если ты ему не мешаешь, не встаешь на пути – живи спокойно. Простейший пример – набить морду сопернику, чтоб не подходил к твоей девушке. Любой карьерист жесток с конкурентами, если они опасны. Именно поэтому без жестокости невозможен государь – чтоб энергичные претенденты не удавили и вообще не мешали делать то, что он полагает нужным. Действию приходится подавлять противодействие.

Сильному может не нравиться жестокость. Но если он не способен на жестокие поступки – он тем самым перестает быть сильным: его сила встречает преграды, непреодолимые

иначе. Дело не сделано: упорные и несогласные с ним люди продвигают свою точку зрения. Чем выше к солнцу, тем меньше места на вершине. Ученые, артисты, военные, политики – везде борьба, грызня, конкуренция, и везде нужно уметь перекусить соперника.

Если же человеку нравится борьба, нравится перекусывать соперников – жизнь такая ему легче и приятнее, чем гуманисту, и наверх он идет быстрее и вернее. Вот товарищ Сталин любил уничтожать конкурентов – и вполне преуспел в своем деле. Это он-то, жестокий, был слаб – от рысьего взгляда которого боевые маршалы чуть в обморок не падали?!

А может быть сильный человек, который никак не знает, к чему прицепить, куда устремить свою силу: то он боксом занимается, то водку пьет, то прожекты строит. И самоутверждается он, как злой подросток: избирая себе жертву из окружающих и портя ей жизнь. Ах, ты умный, богатый, известный, благополучный? А я высмею тебя при всех, наставлю тебе рога, оскорблю, и ничего ты со мной не сделаешь – я значительнее тебя. Самоутверждение через жестокость. Таков толстовский Долохов из «Войны и мира» – сильный, храбрый и жестокий человек. Э?

А жестокость трусливого и слабого, имея в основе ту же самую природу – стремление к самоутверждению – проявляется через иной механизм, вытекает наружу через несколько иное русло, так сказать. Трусливый и слабый человек заком-

плексован. Он не рискует, не идет на опасность грудью; скрывает жажду мести, глотает оскорбления, поджигает хвост, – выживает среди более сильных. А тоже хочет быть сильным, значительным, чтоб его боялись, уважали, считались с ним. И уж когда он, в безопасной ситуации, дорывается до того, что может явить свою власть и силу – о, вот тогда вся его многолетняя жажда отомстить многочисленным обидчикам вылезает наружу! Тем, кто красивее, сильнее, богаче, удачливее, кто плевал ему на голову и гонял на побегушках. И вот тогда он может наслаждаться унижением другого, его болью, зависимостью и беспомощностью, резать из него ремни, мучать, разрушать его жизнь.

Поэтому, как говорили те же римляне, худший господин – это вчерашний раб. Поэтому упаси Боже ставить над собой в начальники маленького, вежливого, затюканного человека: он расправит крылья – и всех начнет жрать с дерьмом, непререкаемым и жестоким образом!

Известный пример: в поединке за самку волки никогда не убивают друг друга: побежденный падает на спину и подставляет горло – знак полной зависимости, этого достаточно. Но когда дерутся за самку самцы канарейки – победитель не успокоится, пока не продолбит своим клювиком черепок побежденному. Всех боюсь, но уж на этом-то сейчас отыграюсь!

Сильный и храбрый, явив побежденному сопернику свою силу, идет дальше: и цену он себе знает, и дел впереди полно.

Слабый и трусливый, получив власть над соперником, стремится выжать из этой власти максимум самоутверждения: по жизни ты значительнее меня, но уж сейчас я каждый миг буду доказывать нам обоим, какое ты дерьмо – вой, кричи, пресмыкайся передо мной, я сотру тебя в порошок, сломаю всю жизнь, покажу, насколько я значительнее тебя, вообще уничтожу.

И. И. Тяга к жестокости сидит в каждом. Вспомним милых студентов, которые последовательно нажимали все кнопки «электрорубильника», при гарантии абсолютной тайны от всех заставляя корчиться за стеклом актера, изображающего приговоренного к казни на электрическом стуле. Жутко, любопытно, манит: посмотреть, как он будет дергаться при повышении напряжения, вместо того чтоб умереть сразу. Этот старый американский эксперимент в свое время немало озадачил добрых психологов.

Стремление к сильным ощущениям – вот что такое жестокость на уровне ощущений.

Стремление к самоутверждению – вот что такое жестокость на уровне личности.

Стремление к большим действиям – вот что такое жестокость на уровне действий.

От любовного треугольника и до войны: или плохо будет другому – или тебе. Пряников на всех никогда не хватает – люди специально делают такие пряники, чтоб обладание пряником выделяло тебя из прочих, и стремление к прянику

делают целью своей жизни.

Практически все великие люди бывали жестоки – а куда денешься. Победенные враги, сломленные конкуренты, несчастные любовники. Даже добрейший Дарвин – даже он! – лишил заслуженных лавров высокопорядочного Уоллеса, дав добро своим друзьям в Лондоне уговорить колониального служащего Уоллеса не печатать свою статью о происхождении видов и предоставить приоритет Дарвину, который раньше начал работу... Дарвин, конечно, напыхал больше и начал действительно раньше, но главную публикацию Уоллес подготовил первый – и кто теперь его помнит, кроме специалистов?..

И последнее. Правда ли, что все жестокие люди сентиментальны? есть такая расхожая сентенция.

В общем неправда – но отчасти правда. То есть:

Обычно жестокими, как мы говорили, называют не тех людей, которые способны на жестокие поступки или даже творят их. А тех, кому это дело нравится само по себе. И не просто нравится «в среднем», как всем (привет от студентов-электронажимателей) – а так нравится, что в реальной жизни они ищут жестоких поступков.

Это что? Это повышенная тяга к сильным ощущениям. Вот такого «нехорошего» рода. Садист, понимаешь, отклонение от нормы.

А что такое сентиментальность? Это тоже повышенная тяга к ощущениям, но уже иного рода – сладостно-печаль-

ным, слезливо-отрадным.

Жестокость – удовольствие от причинения другим зла. Сентиментальность – удовольствие, опять же, от того, что на других свалилось зло, но здесь уже удовольствие приходит через сочувствие.

Умер бедный влюбленный – это сентиментально. А разрезали на куски бедного влюбленного – это уже жестоко. Первое сладко – второе пряно. Можно сказать, что сентиментальность – это негрубая и эстетически оформленная жестокость. Жестокий громила – тоже человек, печаль и сочувствие ему тоже свойственны, а жажда ощущений у него повышена. То есть: он клюет на малую и милую сентиментальность острее, чем нормальный «средний» человек – но при нарастании боли, насилия и т.п. у нормального человека приятное чувство стопорится, исчезает – а у него чувство более сильное «перепрыгивает» барьер: сентиментально-жестокий человек может плакать над птичкой, сломавшей крыло – а потом оторвать ей к черту голову, суке, надоела, сердце рвет.

Опять же – жестокие люди бывают очень одиноки часто, а потребность любить кого-то есть: и вот он любит свою собачку и заботится о ней трогательно после работы, на которой ногти клиентам вырывает.

Садист в камере может с паучком дружить и заботиться о нем, ничего такого, – правда, для этого быть садистом не обязательно.

Нормальный человек посочувствует бедной Лизе и пойдет ужинать. А садист может залиться слезами, и потом сказать: надрываешь ты мое сердце, сука, – и изрезать ее на куски, пьянея от совершаемого: и любить ее хочется, и одновременно мучить и резать хочется. Повышенная потребность в сильных ощущениях. Повышенные реакции на чужие муки. И вот эта повышенность реакций включает в себя как радость от них, так и горе, обе половины сферы, но поскольку сам себе сознательно ты горе творить не станешь – то радость получаешь от того, что творишь сам, а сладкое горе – от мелочей, которые к тебе непосредственного отношения не имеют. Есть такой механизм.

Но чаще люди жестокие – душевно грубое быдло. Хрен ли им клумбы с цветочками и музыка Вагнера, пользительные для слез пресловутых эсэсовских комендантов концлагерей.

Вот женщины менее склонны убивать животных, чем мужчины. Охотой как хобби увлекались всегда мало. Но давно подмечено: втянувшаяся в охоту женщина становится очень жестоким охотником. Прямо как тот кенарь. Почему? А – коли полетели сорванные сдерживающие центры и нервная система вкусила силу ощущений от убийства живых существ – началась своего рода наркомания: мозг хочет, требует этих ощущений! Так, в общем, развивается садизм, зерно которого есть в каждом. Да и на зонах бабы между собой еще более жестоки, чем мужики, – тот же механизм.

Предательство

Всемирная История Предательства – вот достойный аспект рассмотрения истории, психологии и социологии. Потому что вряд ли жил на свете человек, который – хоть на секундочку и по мелочи – вовсе бы никого и ничего ни разу не предал. И хотя бы в мыслях своих не был вовсе знаком с предательством.

«Моя вина» – назвал свой некогда знаменитый роман норвежец Сигурд Хуль, нобелевский лауреат. На единую минуту и только в мыслях предал герой романа свою любовь: черт, они оба молоды и бедны, ну куда ж тут жениться и рожать ребенка, который у нее, оказывается, будет. Он даже не сказал об этом ни слова – предательство было только в его глазах, на лице. Через минуту он уже искренне сказал ей все те слова любви и верности, которых она ждала; сказал то, что действительно чувствовал после минутного приступа малодушия. Но минуты оказалось достаточно... Она исчезла из его жизни. Он не знал своего сына. И увидел его впервые много лет спустя – когда в оккупированной немцами Норвегии его сын, квислинговец, коллаборационист, предатель, руководил арестом его, бойца Сопротивления. Такая история.

«Ведь каждый, кто на свете жил...»

Предателей Данте и законопатил в девятый круг Ада.

Дальше уже некуда.

Доносчику – первый кнут. Предательство доверившегося всегда расценивалось как дело гнусное – даже тем, в чью пользу оно совершалось. Самым цельным и здоровым образом к этому относилась, на уровне Закона, Яса Чингиз-хана: это дело заслуживает исключительно смерти, и никаких гвоздей. Монголы времен великой и грозной славы своего народа отличались замечательным психическим здоровьем.

Античные греки, в войнах с персами захватывая пленных, с собственно персами обращались в рамках тогдашних правил войны: пленных можно было обменять, отпустить по заключении мира, интернировать и поселить на дальнем краю своих земель, пусть в земле ковыряются, их внуки уже почти своими людьми будут; можно было, наконец, продать в рабство – это также почиталось делом законным, прибыль опять же. Но если в плен попадались союзные персам малоазиатские греки – этих неукоснительно предавали казни, как предателей общего дела борьбы с персидским завоеванием.

Равно и римляне славной эпохи величия Республики бывали способны – это во время войны-то! – отказаться от услуг предателя, дабы победить доблестью, а не низким коварством. Ну ужасно были гордые и уверенные в себе ребята.

Но вот в истории остался более знаменитым случай с библейской блудницей Раав, которая ради спасения своего рода предала родной Иерихон. И хотя Пятикнижие безусловно одобряет все, что делалось к пользе евреев и во испол-

нение заветов Бога, давшего им эту землю – заметьте, что единственная предательница была блядью.

Когда же римляне от развалившейся республики перешли к диктатуре, предварившей империю – на место былых доблестей пришло предательство как норма поведения. История великого триумvirата Помпей – Красс – Цезарь – это история клятвопреступлений, надругательства над родственными узами, убийства доверившихся и прочих прелестей гражданской смуты.

Тоталитарное государство вообще норовит возвести предательство в ранг государственного закона. Будьте верны только государству и предавайте друзей и родных во имя его. Тут СССР переплюнул всех: от Ассирии до наполеоновской Франции еще никто не смел объявить благим и примерным делом предательство родного отца: всем привет от несчастного придурка Павлика Морозова, героя-пионера из всесоюзных святцев. Каков же был блистательный результат столь патриотического воспитания советского юношества? Небывалый по масштабам во всей истории России переход солдат на сторону врага – и это в Великой Отечественной войне!.. Переходили поодиночке и группами, отделениями и взводами, уползали за нейтральную полосу целыми караулами, дозорами и боевыми охранениями. Эта история, надо полагать, не будет написана никогда – поскольку никто не собирается открывать архивы СМЕРШа. Но в семидесятые еще годы ветераны-мемуаристы «не для печати» (чего уже старику

бояться? ничего у него нет, кроме пенсии сегодня и смерти завтра) поведали такие истории, что рот раскрывался и волосы шевелились.

(Русские традиции вообще недурны – хотя и прочих идеализировать не надо. Но не сразу сможешь найти в истории другой пример, когда сыну предложили купить жизнь ценой крови отца, которому он для этого должен перерезать горло. И перерезал. Федор Басманов при Иване Грозном.)

Как «предательство века» часто упоминают сдачу немцам генералом Власовым 2-й Ударной армии. Менее часто упоминают, что от армии остались рожки да ножки, и сам факт сдачи абсолютно ничего не менял. Еще реже пишут, что причиной уничтожения армии были идиотизм и самодурство высшего командования, которое всегда преследовало одну главную цель: делать только то и только так, чтоб заслужить хорошее отношение товарища Сталина, это было даже и гораздо важнее, чем избежать поражения: убитых-то спишем, а вот если победишь, но вызовешь неудовольствие товарища Сталина – шлепнуть могут как пара пустых. Нетрудно представить эмоции Власова, которого неделями бомбили глупыми и ведущими к гибели приказами, отвергая его аргументы, а когда уничтожение окруженной армии подходило к концу – ему, значит, по положению «живым в руки врага не попадать» следовало застрелиться. Сволочи и идиоты в Москве уничтожили его армию, а теперь он же еще должен стреляться! Не захотел он стреляться. Смертной ненавистью ненави-

дел он к этому моменту советское Главнокомандование. И все равно, все равно – предательство его в истории не оправдывается ничем.

Вообще мы никого и ничего оправдывать не собираемся, мы не райсуд. Нас интересует понять.

С чего стал предателем знатный и удачливый вельможа князь Курбский? Во-первых, с того, что польский поход, задуманный как авантюра, провалился, и добра от Грозного ждать не приходилось. Во-вторых, с того, что армия разбежалась, дезертировала. В-третьих, с того, что Грозного боялись и ненавидели – и порешили, что лучше остаться жить в Польше, чем вернуться домой и угодить на плаху. Опять же – ну правы же ребята были! А вот все равно – не совсем хорошо пахивает.

Удивительно к месту процитировал Священное Писание Линкольн в геттисбергской речи: «Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит». Это относится не только к гражданским войнам. Ибо любое предательство – это разделение на две враждебные части того, что на уровне отношений почиталось как бы за единое целое.

Что такое предательство? Можно сказать: это прагматическое решение конфликта между идеальным и реальным. Непонятно; недостаточно. Попробуем разобраться.

Предательство всегда совершается по отношению к кому-то. Ан тоже не совсем, не абсолютно. Иначе не говорили бы: «Он предал свой талант», или «свои убеждения», или

«свое прошлое». Здесь имеется в виду, что человек отказывается от каких-то своих взглядов, или возможностей, ради выгоды конкретной: денег, карьеры и т.п. Как бы он «разделился внутри себя самого», и более низменная, корыстная, жадная половина предала благородную половину. А вот если стяжатель и карьерист отказался от денег и карьеры ради благородного, бескорыстного поступка – тогда никто и не подумает сказать, что «он предал себя».

Здесь работают моральные категории. Совесть, честь, благородство, верность, честность. Вот если человек нарушил их, пренебрег ради цели низменной, корыстной, шкурной – тогда он предатель. Гм, а какая же корысть была Павлику нашему Морозову предавать отца? Он же это сделал из идеальных побуждений, ради счастья родины, как он полагал.

Кроме того, если объяснить одно слово, подставив на его место другое, также достаточно неопределенное и неоговоренное конкретно, что оно такое обозначает, то это ничего не прояснит.

Так... Предают что-то свое, близкое, родное, отечественное – в пользу чего-то менее близкого, чужого, даже враждебного, – чтоб получить личную выгоду: жизнь, деньги, власть и т.п. Предать можно только свою семью, группу, страну – а чужую нельзя, можно лишь ущемить ее интересы. То есть предать может только свой, только друг, – а чужой он чужой и есть.

Ладно, но почему, если ты предал своих врагам, то враги

тоже тебя презирают? Обидно, понимаешь. Потому что враги тоже уважают моральные категории... но про моральные категории мы уже упоминали, они ничего, к сожалению, не объясняют, более того – они сами требуют объяснения.

А каковы мотивы предательства? Корыстные. А если бескорыстные: оскорбили человека, или ненавидит он, или завидует, и в результате предательства ничего не выигрывает, живет хуже, чем раньше, но – хотел насолить своим и насолил. Где корысть, строго говоря?

Кого предавал Талейран? Всех, кому служил. Зачем, почему? А они все равно шли к гибели, а он успевал хорошо устроиться, был на плаву, при деньгах и власти. Действовал в свою пользу.

Но какую пользу извлекала из своего предательства «кембриджская пятерка», работавшая на советскую разведку из высших, идеолого-политических соображений?.. И денег не брали. Идейные борцы. Сплошной риск и убытки.

Если объявить предателя просто потребителем – тогда все ясно. Нет у него великих ценностей, за которые он может отдать жизнь: незначительный он человек, не способный на самые крупные поступки, ему прежде всего лишь бы выжить и тепло устроиться. Поэтому его презирают: немного он стбит. Он не может противостоять силе, он может лишь перебежать на ее сторону. Он выживает не потому, что победил, а потому, что примазался к победителям, сам таковым не являясь. Он труслив, слаб, мелок. Он существует не потому, что яв-

ляет другим свою волю и утверждает ее вопреки сопротивлению – он существует по милости сильного и заискивает этой милости: собака, сказал бы мусульманин. Он зависим, у него душа раба.

В любой очереди, при конфликте чиновника или кассира с кем из публики, всегда находится доброхотный защитник кассира от «принципиального» покупателя: эдакий подхалим, желающий задобрить представителя власти, чтоб тот к нему потом лучше отнесся. Мелкий бытовой вариант расхожего предательства. Угодливое подсмеивание шутке хама-начальника, издевающегося над несчастным из подчиненных. Любой подхалимаж, любая угодливость – мелкий вариант предательства: ты «поступаешься моральными принципами» ради того, чтоб начальник к тебе лучше относился, т.е. из шкурного интереса.

А вот – храбрый солдат, профессионал, бессребреник, который из рядов побеждающей армии (именно!) переходит в стан проигрывающего врага и честно сражается там. Он, может, патриот маленькой побежденной страны. Он, может, антифашист, или антикоммунист, или антиамериканец. Все равно: для вчерашних собратьев по оружию он предатель, хуже и ниже честного врага. Присяга, верность, оно все конечно... но – почему?! Доверие обмануто, и т.д. – но все-таки: в чем тут дело?..

Почему предавать всегда нехорошо: сильный ты или слабый, получил выгоду или не получил, перебежал на правую

сторону или виноватую, предал из низких побуждений или возвышенных? А?

Тут впору вспомнить о юнговских *архетипах*, но в архетипы мы не верим и теорию сию полагаем наивной, поверхностной и спекулятивной философией, которая тем и отличается от науки, что ее невозможно научно ни доказать, ни опровергнуть – она существует как бы сама по себе, законченная конструкция условных рассуждений и допущений.

Можно ведь сказать так: предатель противопоставляет грубой силе – ум (хитрость, коварство, изворотливость, изобретательность). Почему же мы не уважаем его человеческий ум?..

Да нет, иногда и уважаем. Сэр Варвик, «делатель королей», только и делал, что бегал от Ланкастеров к Йоркам и обратно. Его обидели – он изменил – принес победу вчерашним врагам против вчерашних «своих» – и пошел следующий цикл: сам возвел короля на престол – сам сверг и возвел другого. Был талантлив, храбр, мощен – и самолюбив. Союза с ним искали, перед ним заискивали. Предатель? Хм. Не без того... Но здесь еще одна вещь: любого, кто бросил бы ему в лицо обвинение в предательстве, т.е. в данном случае в нарушении чести, он был готов в любой миг вызвать на «Божий суд» – честный поединок, где Бог явит правого через его победу. А боец он был редкостный. И людишки язык придерживали.

Как быть? Вот человек в одном стане. Имеет некие убеж-

дения. Получает дополнительную информацию, переваривает ее, искренне меняет убеждения. Переходит в другой стан. Попахивает предательством. А в каком случае не попахивает? Ну вот не может он больше сражаться за то, во что не верит теперь! Застрелился; не предатель. Открыто объявил свои взгляды и понес наказание вплоть до казни; не предатель. Вместе со своим станом довел борьбу до победы, и отвалил только тогда, когда свои в нем уже особенно не нуждались; не предатель. Благородный человек.

Предательство всегда целесообразно. Предать можно из шкурных интересов, из явной выгоды. А можно (куда-а реже) из идейных соображений, тогда ты идейный предатель, это классом выше, грех твой меньше, но – все равно предательство... И вот в принципе эта целесообразность, логичность – людям не нравится. Люди полагают, что поступать следует против такой целесообразности.

Теперь можем помянуть кантовский категорический императив, и тут же отставим его в сторону, ибо он абсолютно ничего не объясняет: он только дает название, т.е. приклеивает к бутылочке ярлык с существительным и прилагательным, но на вопрос «а почему это так?» отвечает кратко: «А потому». Большое спасибо.

Можно поискать исторически-рудиментарную целесообразность, и попытаться противопоставить целесообразность сообщества целесообразности индивидуума. Типа: до конца защищать свой род, свое племя, невзирая ни на что, ина-

че враги напугают, подкупят, победят, подчинят, уничтожат, хана генам твоих предков, которые живут во всей твоей родне. На уровне стаи – быть сильнейшим и выжить. Да? А если единственный способ сохранить гены рода – предать заведомо и безусловно обреченных и спасти себя? И выжил, и размножился, и тем сохранил род, – а сам предатель. Тьфу.

Итак. В отношении к предательству мы имеем яркий пример анти-целесообразной настроенности человечества, его анти-рациональной ориентации. Расчет верен – а чувство выше, и хоть ты лопни.

Предателю нельзя доверять, на него нельзя полагаться – предал другого, предаст при случае и тебя? Э, он свалил в туман, его больше нигде не видно и не слышно, и вообще – вот тебе, допустим, абсолютная гарантия, что больше он никогда никому вреда не принесет; все равно ты его презираешь.

В чем же дело?

А в том, что он – недочеловек. Он может быть храбр, богат, силен и знатен – и все равно он унтермен. Любой акт предательства есть акт слабости. Предатель ослабляет то, частью чего он был. Одновременно он ослабляет себя, отделяясь от целого – а равновеликой частью другого целого он стать уже не может, ибо явил свое качество – возможность по собственному усмотрению отделяться от целого. Он неполноценен, ущербен, недоделок.

Предательство – это нарушение верности единству. Един-

ство же есть величина как реальная, так и моральная – одно скрепляется другим.

Не в том дело, что предал твоего врага, а в том, что вообще предал. Негодный человеческий материал. Его можно использовать, но с ним нельзя быть воедино. Не доверишься, спину не прикроет.

Предатель отсоединяет свою личную волю от суммы воли группы, тем самым вредя группе в пользу своих, так или иначе, но собственных желаний и интересов. Внутренний враг. Раковая клетка. То, от чего надо избавляться в принципе.

Внутренняя слабость предателя в том, что он не способен на ощущения, желания и поступки столь значительные, чтоб предпочесть их своей индивидуальной эгоистической потребности. В пределе – он не отдает свою жизнь за то, за что отдают их другие. Причем – здесь принципиален сам момент ухода от единства, перехода его границы вовне. Если ты пришел к врагу из леса – твое дело. Если от нас – ты хуже врага, просим к стенке. Дезертирство – это «пол-предательства», вторая половина – приход к врагу – превращает первую половину в предательство. Даже если ты разделил убеждения врага и отдал жизнь в борьбе против «своих» – в процессе ухода из единства твой интерес был эгоистичен: ты сам так захотел, решил, сделал. Ты не стал напрягаться, страдать, бороться за то, за что готовы они.

Когда ты с чужой стороны стреляешь во вчерашнего своего – в этот миг своя жизнь тебе дороже, чем его.

Верность означает: «Быть с вами и делать вместе это дело для меня дороже всего, и дороже жизни». Так держалось племя, город, страна. Предательство означает: «Нет, я передумал, я стал считать иначе, уже не дороже; мне теперь дороже другое». Ах ты мелкая сука!..

Предательство оскорбительно по сути; и не так важно, кто оскорблен, уж больно мерзок оскорбитель. Оскорблено наше представление о верности, чести, долге, благородстве, справедливости. Предательство аморально.

Ну и что, что аморально?

А то, что мораль противостоит расчету и целесообразности. И более того – стоит выше их. Руководствуясь и подстегиваемый моралью, и одновременно раздираемый желанием поступить целесообразно по расчету, человек достигает огромных нервных напряжений: ошибка, стресс, страдание, поступок «вопреки своему желанию», гордость тем, что смог поступить так, сознание значительности своего поступка и своей личности. Вот это та внутренняя гордость, то ощущение внутренней значительности, которых лишен предатель – лишен в сознании тех, кто не предавал.

«Он изменил!» – гудит хор жрецов в «Аиде», и этого обвинения достаточно.

«Я сумел быть верным, а он нет, хотя мне было нелегко», – вот тот пункт, по которому честный человек чувствует себя значительнее предателя; а каждый стремится быть как можно значительнее, и отыскивает к тому любые поводы. Поэто-

му предатель может убить тебя в честном поединке, быть сильнее и умелее тебя – и все равно ты его презираешь, ты выше, у тебя есть неоспоримый пункт превосходства.

Агрессивность

Скомпрометированное слово, стилистически отрицательно окрашенное, означающее насилие по отношению к кому-чему либо. В последние полвека не стихают досужие разговоры о необходимости избавиться от агрессивности человека, уменьшить ее. Агрессивность рассматривается как причина войн, насилия, конфликтов в обществе, а это, значит, нехорошо, и с этим надо бороться. Чуть иначе – называют агрессивностью склонность решать конфликты и противоречия методом насилия, силового навязывания своей воли другим – в противовес компромиссу, консенсусу, миролюбивому улаживанию и т.д.

При этом согласны, что солдат, конечно, должен быть агрессивным. Но хорошо бы сделать так, чтоб агрессивен он был только по отношению к врагу и только по приказу и в рамках приказа, – а со своими и тем более с начальством агрессивен не был, а был исключительно мирен и дисциплинирован. Вот робот такой с десятком кнопок на пульте управления – а пульт в руках высокого командования под присмотром правительства. Пока не получается. Хотя немец, скажем, к такой модели гораздо ближе, чем гарлемский негр.

А если вообще не найти способов уменьшить агрессивность человечества, то оно может покончить с собой, либо в

вихре ядерной войны, либо зверски изгадив свою среду обитания.

Считаем все это прекраснодушным бредом, происходящим из размягчения мозгов. Эта точка зрения и система подхода к человеку изобретена интеллигентами – отличающимися от просто умных людей тем, что интеллигент с душевной слезой настаивает на утверждении желаемого над истинным – однозначно ставя должное выше сущего.

Сейчас мы сменим на товаре этикетку и поглядим, что получится.

Агрессивностью называется склонность существа преодолевать сопротивление окружающей среды для достижения своих целей. Подразумевается, что окружающая среда при этом терпит ущерб, изменяется «не в своих интересах», «продавливается».

Если елочка растет рядом с дубком, она стремится вверх как можно скорей, хочет затенить ему макушку: тогда он погибнет, а она будет расти спокойно. Если не удалось, дубок войдет в силу и своей мощной корневой системой уничтожит все деревья в радиусе десяти-пятнадцати метров: ему нужен простор, свет, много питания, и его корневые побеги «впрыскивают» дубильные вещества во все, с чем встречаются.

Кролик агрессивен по отношению к траве, а волк – по отношению к кролику.

Борьба видов за выживание, короче. Что Дарвин в прин-

ципе теорию всеобщей борьбы за выживание не сам придумал, а перенял у Гоббса, который ее создал как раз применительно к людям и на век раньше, сейчас как-то редко предпочитают вспоминать.

А поскольку сила противодействия равна (в подвижном процессе не совсем, почти равна) силе действия, то чем больше человек чего-то хочет, тем большее сопротивление ему приходится преодолевать. Борьба старого с новым, талантов с бездарностями, и т.д.

Человеку же говорят моралисты: «Вписывайся мягче! Договаривайся миром». Руби деревья для прокорма, но не для богатства.

Энергоизбыточный человек всегда продавливал сопротивление окружающей среды, как никто. Нет великого человека в истории, который не поотдавливал бы ноги окружающим. В любви, в карьере, в науке и творчестве – конкуренции не избежать: реализуя себя и достигая своих целей, ты неизбежно перекрываешь кислород тем, кто жизненно хочет того же самого, что и ты. Места в сердце и постели любимой, в президентском кресле и нобелевском списке лауреатов на всех не хватит. И фиг миром договоришься с конкурентами.

Чем сильнее желание сделать что-то – тем на более решительные шаги готов человек, чтоб добиться своего. И на этой арене люди умирают с оружием в руках, как констатировал умный старый Вольтер.

Энергоизбыточный человек запрограммирован приро-

дой, создан так, суть его такова, что ему потребны сильные ощущения, которые даются преодолением сопротивления окружающей среды.

Пацанов заставляет драться та самая сила, которая гнала Колумба через океан в Америку: стремление к максимальным ощущениям через максимальные действия.

А если человек не способен преодолевать сопротивление окружающей среды – это безвредный соглашатель, бесхребетный всеобщий приятель, которого обязательно затрут конкуренты, обокрадут в его идеях коллеги, используют в своих целях все, кто ловчее и бессовестнее.

Маршал Жуков был человек страшный. Жестокий сатрап и бездарный полководец, побеждавший только при многократном перевесе людей и оружия над противником. Но своей дикой жестокостью он заставлял выполнять приказ армию – голодную, деморализованную, плохо организованную и плохо управляемую, воюющую в этом советском бардаке на пределе и за пределом сил и возможностей. Жуков не мог изменить структуру армии и тем более – структуру всего государства, он мог лишь угрозами расстрелов и повешений гнать в бой. Войну выиграли. Люди более мягкие, чем сталинские ребята-людоеды, в этих условиях от армии могли бы и вовсе ничего не добиться: слаб человек и жить хочет, а условия Отечественной войны были для солдата чудовищны, часто практически непереносимы.

Степень жестокости в больших делах – разная, а принцип

Один...

А уменьшение склонности к преодолению сопротивления среды – может быть только аспектом уменьшения энергоизбыточности человечества. А это – вряд ли.

Искушение

У Александра Грина есть рассказ о том, как мужчина в день свадьбы, кануна счастливой жизни с любимой девушкой, просто отошел от нее, приблизился к двери, спустился в сад, через калитку вышел на улицу, и продолжал идти... пока не вышел из города, и дальше, и дальше. Жизнь спустя, одинокий без любимой, не зная, прожил он свою судьбу или чужую, он признается рассказчику, что в тот решающий миг счастливого вечера он вдруг просто подумал: а что будет, если я отойду? если выйду в сад? и, следуя этому странному импульсу «наперекор себе», холодея от ужаса содеянного, ушел навсегда.

Это классический, чистый пример того, как человек делает то, чего делать не хочет. Искушение как чувство противоречия себе самому. Дуализм стремления к счастью и несчастью одновременно, а примечательность и незаурядность случая в том, что человек сознает и фиксирует обнаженное решение дилеммы в сторону несчастья. Аргументы, рациональные мотивы здесь отсутствуют.

Поскольку человеку свойственно во всем искать рациональные мотивы и по возможности просто раскладывать все по полочкам разума, искал он всегда и объяснение феномену искушения. Самое общее и простое объяснение носит форму нехитрого аргумента «а вот потому», и все тут. Раз сле-

довать искушению, и даже вообще испытывать его, противоречит нашим интересам как мы их понимаем – так это Дьявол нас толкает, Дьявол нас искушает злом. Вводится такая нехитрая условная величина «дьявол» – и как бы наклеив такую этикетку на явление, можно успокоиться: ну, мол, теперь все ясно.

Есть некий внешний фактор, вот такое имя мы ему дали. Но это объяснение для тех, кто думать не любит и не умеет, а хочет на все иметь простые готовые ответы.

«Искушение святого Антония» – один из любимых мотивов христианской теософии. Отшельник Антоний хочет аскетизма и праведности, а ему мерещатся женщины, пиры и прочие соблазнительные вещи, аж молиться не успевает. Это его Дьявол, естественно, искушает.

Искушение – едва ли не главный исходный мотив романов Достоевского, признанного одним из гигантов духа мировой литературы. Сам Достоевский вечно терзался греховными страстями к деньгам, игре и малолетним девицам, и подавлял эти искушения с переменным успехом. Но если «Игрок» – это описание губительного следования искушению без особого анализа мотивов, то все суперзнаменитое «Преступление и наказание» – это постоянное выяснение рациональной мотивации искушения – будучи нищим, хлопнуть ростовщицу и разжиться чуток деньжатами на жизнь. Автор раскладывает простые аргументы «за» и «против» и в конце концов решает спор в пользу совести и Евангелия. То есть на

чисто моральном уровне. Мы также против убийства старушек и за моральные ценности, но нас интересует анализ на уровне научного, логического понимания – каковому пониманию подлежит и сама мораль. Категорический императив мы оставляем Канту – он плох тем, что ничего не объясняет и пониманию предмета никак не способствует. «Нельзя, потому что нельзя», – это для детей младшего дошкольного возраста.

Что есть первое и необходимое условие любого искушения? Наличие запрета, внешнего или внутреннего, категорического или как минимум осознаваемого. Диапазон запрета – от предельного внешнего, типа угрозы гибели тебя, или всей твоей семьи, или вообще всей Земли, если ты нажмешь ядерную кнопку – до мельчайшего внутреннего, типа съесть соблазнительное пирожное и тем нарушить свою диету и перестать худеть, а очень хочется похудеть и быть стройным и красивым.

А кто ж не слышал, что достаточно человеку что-то запретить, как он начинает этого хотеть, даже если раньше об этом вообще не думал. Любой запрет как-то раздражает человека, как прыщик, как кошку бантик, вот мешает ему жить спокойно. Даже если это мелкий волевой самозапрет. Что такое самозапрет? Это человек путем рационального приказа себе подавляет свои же желания. А хотеть он от этого перестает? Нет, часто напротив: как даст зарок чего-то не делать, так тут же сильнее хочется: хоть курить, хоть тупому началь-

ству возражать.

Корыстный мотив искушений даже не заслуживает особого рассмотрения. Если человек хочет грабануть банк, но боится наказания в случае неудачи или усвоенная мораль не даст ему пойти на грабеж – тут все ясно. Если гарантировать людям успех, безнаказанность и анонимность грабежа – хана банкам, у большинства мораль не выдержит.

Есть искушение оружием. (Свойственно это почти только мужчинам.) Красивое, эффективное, хорошо сработанное оружие буквально провоцирует своего обладателя пустить его в ход. Те, кто держал в руках хороший нож или пистолет, прекрасно это знают. Часто хулиганствующие подростки втыкают в кого-то нож только потому, что нож выглядел красиво и грозно, ну сам же просился в дело. Аналогичное чувство знакомо стрелку, который видит на расстоянии выстрела потенциальную цель. Он может хлопнуть человека просто потому, что тянет это сделать, это так просто, интересно, волнует с приятностью: совместить мушку с прорезью, подвести под цель и потянуть спуск.

Но оружие – это естественный усилитель человеческой значительности: манит власть, ощущение своей значительности, своих огромных возможностей – тебя боятся, от тебя много зависит, ты повелитель судеб, грозный воин; тебя тянет к максимальным ощущениям через максимальные действия, ты изменяешь мир, выбивая из него людей. Ладно, и это тоже несложно понять.

Просты и искушения св. Антония: секс, развлечения, богатство. Это вообще естественные стремления. Искушениями их делает только запрет.

То есть искушения можно разделить на рациональные и нерациональные, а проще – на понятные и непонятные. Изнасиловать привлекательную женщину, убить конкурента или честно сказать юбиляру, что он кретин – понятен мотив удовлетворить сексуальное желание, или упрочить свое положение, или явить свое умственное и человеческое превосходство (моральный аспект сейчас оставляем в стороне).

Нерациональные искушения анализировать сложнее. Здесь, если разобраться, есть своя классификация.

Искушение смерти. Шагнуть в пропасть или с балкона, застрелиться, сунуть голову в петлю, вонзить себе в сердце нож. Физическая простота, возможность и легкость этого действия производят легкое опьянение сознания. Фрейд решил этот вопрос просто: есть Танатос, зов смерти, и наряду с Либидос, зовом любви, он живет в человеке и определяет его стремления и поступки. Как нетрудно заметить, между Танатосом и Дьяволом здесь нет никакой принципиальной разницы: мы констатируем явление и даем ему название, и этим названием удовлетворяемся в качестве объяснения.

Да нет... Это пьянит острое сильное ощущение. На краю постоять. Своего рода наркотик. Ох что будет, если шагну вниз, вот это да... Это стремление к максимальному действию – изменить и уничтожить весь мир – мир в себе – пу-

тем убийства себя. Это стремление к нарушению Главного Запрета – запрета, которым твой инстинкт жизни запрещает уничтожать себя, а наоборот, требует реализовать себя через все ощущения и действия жизни.

У того же Достоевского есть дивные примеры чистых искушений. Как, например, Ставрогин в «Бесах» одного почтенного человека, произнесшего свою любимую присказку: «Нет, меня за нос не проведут», – хватает именно за нос и проводит через все благородное собрание, ошарашенно замершее. Или губернатора, склонившего к нему ухо выслушать по секрету, кусает за это ухо и долгую минуту держит зубами, не могущий высвободиться старик ошеломлен до потери чувства реальности.

Теле– и радиодикторы, работающие в прямом эфире, хорошо знакомы с подмывающим диким искушением (о, разумеется, у них и в мыслях ни на миг нет дать ему ход) выкинуть в этом прямом эфире какой-нибудь непоправимый фортель: послать всех матом, в недопустимо-разговорном тоне пустить издевку по адресу верхов, сделать неприличный жест, – словом, выкинуть что-нибудь совершенно невозможное, шокирующее, непоправимое. Ясно, что это им дорого обойдется, конец карьеры, штраф и т.п. – хотя потом можно закосить под дурочку и от суда отвертеться. Почему, зачем? они приличные воспитанные люди, зрителей уважают, с читаемым текстом могут быть согласны... вот такой позыв к гипертрофированному и даже преступному озорству.

Действие рождает противодействие. Любой запрет неизбежно порождает внутренний протест – подсознательный, неосознанный, который может не вылезти наверх в сознание никогда, а может вылезти в трансформированном до неузнаваемости виде, – но есть он, есть, некуда ему деваться. Есть акция – есть и реакция: искушение – всегда реакция на запрет.

Помочиться в театре на партер с балкона, засадить камнем в витрину, развинтить железнодорожный путь и пустить пассажирский поезд с рельс под откос, написать неприличное слово на стене парадного дипломатического зала, щелкнуть по носу почтенного начальника, и несть числа – все это совершенно нерациональные искушения, вызванные отнюдь не человеконенавистничеством, но лишь подсознательной тягой испытать изрядные ощущения от взлома запрета, что есть действие немелкое.

Мое поколение росло вскоре после II Мировой войны. Зачем мы тайно малевали на стенах свастики?! Мы были дети, дошкольники, нас никто этому не учил, мы не только не были неонацистами, но были по воспитанию эпохи вообще антинемцами, – какова природа удовлетворения, с которым мы это делали? Играя в войну, «немцы» всегда были, разумеется, побеждены – какова природа удовлетворения, с которым «немцы» закатывали рукава и, изображая нехорошую жестокость и «страшность», вопили кривляясь «немецко-фашистские» слова? И присутствовало ощущение, что

делаешь что-то нехорошее, и этого нехорошего хотелось, и даже этим нехорошим гордился, прекрасно зная, что это игра и на самом деле ты совсем не такой, другой, противоположный.

Это все равно что корябать гвоздиком лаковый борт красивой машины. Ты не знаешь, чья она, и зависти не испытываешь, и жалко тебе испоганиваемую тобой же красоту прямо до слез – а корябаешь вот с противоречивым чувством, и хвастаешься потом перед сверстниками, они хвалят, а тебе внутри неприятно за сделанную гадость. А тянет корябать!!!

А может, тебе не запрещали машины корябать, об этом и речи не было. Тебе запрещали за девочками подглядывать, домой опаздывать, шапку не носить. Запрещают одно, а реакция вылезает в другом месте? Примерно так рассуждает сегодня педагогика, самая прогрессивная ее часть. Эта часть права отчасти. Но не совсем.

Где не может быть искушений? Там, где нет запретов.

Где нет никаких вовсе запретов? Нигде.

Что такое искушение? То же стремление к сильному общению через крупное действие.

В чем же крупность действия, если само по себе оно ничтожно?

В нарушении запрета. Ибо он – лишь одна деталь, часть, в общей большой конструкции свода правил общежития. Даже если эти правила внутри тебя и об их нарушении никто

не узнает.

Может ли человек не испытывать хоть иногда «идиотских» искушений? Нет.

Почему?

Потому что в нем всегда живо стремление изменять существующую систему «я – мир» через свои действия. Нарушение запретов входит в эту систему. Базируется это на инстинкте жизни, является это частью и аспектом роли человека во вселенной.

А кроме того, на уровне более человеческом. Искушение есть проявление стремления человека к абсолютной свободе. Что есть, как сказано выше, проявление второго закона термодинамики, действие которого ограничить весьма трудно – природа, понимаешь, так устроена. (См. «Свобода».)

Уровень некомпетентности

«Уровню некомпетентности» посвящено шутовское и во многом верное исследование одного славного американца. Сводится оно к тому, что когда работник грамотно и компетентно справляется со своими обязанностями, его естественно повышают по службе для пользы дела и его собственной, и повышают до тех пор, пока он не достигнет уровня, где уже перестает являться компетентным. Таким образом, резвится америкашка, все хорошие активные работники, делая карьеру, в конце концов становятся некомпетентными и плохими работниками, и чем выше уровень руководства, управления и вообще чем выше профессиональная ступень – тем ниже там уровень компетентности работников. Хорош – выше, хорош – выше, и так все выше, пока не перестанет быть хорош. Весьма остроумная логика.

Доля истины здесь до крайности велика. На самом деле в жизни, конечно, обычно бывает иначе, и все это знают. Если человек «не тянет» на каком-то высоком уровне, он или сам сваливается на предыдущую ступень обратно, или его задвигают обратно, и вообще для перехода на более высокий уровень требуется запас энергии, способностей, возможностей, который на имеющемся уровне виден и ощущается и самим человеком, и окружающими, которые причастны к его дальнейшему выдвигению.

И однако случаев, когда хороший командир дивизии становится плохим министром обороны и т.п. – сколько угодно.

Человеку вечно всего мало, ему вечно надо больше, выше, иначе, и он лезет все вверх и вверх, пока не набьет на голове шишки об потолок и не свалится обратно – вот что на самом деле имеется в виду.

«Сказка о рыбаке и золотой рыбке» – один из вечных бродячих сюжетов на эту тему. Старуха захотела целое корыто, потом – новый дом, потом – дворянство, потом – царство, и все она получила, так ей захотелось уже стать вообще владычицей и гонять рыбку-благодетельницу как прислугу на побегушках – и в результате она рухнула на исходный уровень, к разбитому корыту. Нехитрая притча о безграничности желания и достижении уровня, превосходящего возможности, после чего все достижения рушатся, и человек опускается в исходное ничтожество положения.

Это относится ко многим случаям «крайнего величия», которого достигали властители мира, столпы истории. Кир, Александр, Наполеон – создав огромные мощные царства, расширяли их пределы сверх достаточного до тех пор, пока не «запрыгивали» выше своих возможностей, выше возможностей своего государства, и тогда в сверхнапряжении государство рушилось, а властитель погибал. Что б ему не остановиться вовремя?.. Но та самая энергия, то самое желание, которое вело и тащило его вперед и вверх к величию и славе, перетаскивало за черту «компетентности», за предел ре-

альных возможностей, и все рушилось к чертям свинячьим. Потому и рухнул, что хотел чересчур много и сильно. Потому и сделал так много до своей гибели, что хотел так много и сильно.

И это сказывается в самых разных проявлениях человеческой деятельности.

«Больше всего человек гордится тем, чего у него нет. Например, Т. владел немецким языком, но на столе у него всегда лежали только английские книги», – писал Акутагава. То, чего у тебя нет, существует в твоём воображении в некоем условно-идеальном виде и всегда кажется чем-то лучшим и более значительным, чем в реальности. Его отсутствие увеличивает желание, его неизведанность будоражит воображение и оставляет место для допуска любой возможности.

«В чужих руках член всегда толще», – составили присказку шлюхи.

Чем гордился властелин полумира император Нерон? Своим актерским даром, и упивался фальшивыми дифирамбами льстецов.

Гениальный комедиограф Мольер был лучшим комическим актером своей эпохи. Но он страшно переживал, что он не трагик, и страстно мечтал быть им. Играя с труппой перед королем Франции, когда от реакции монарха зависела вся дальнейшая судьба, он добился бешеного успеха и сорвал овацию. И немедленно вслед за этим, вразрез всех планов, погнал трагедию – жалким и провальным образом!.. Толь-

ко яблочный огрызок, брошенный из зрительного зала ему в голову, поставил мозги гения на место. Больше он на трагедии не покушался, удовольствовавшись положением и славой первого комика королевства. И всю жизнь страдал, что не довелось ему сыграть известные трагические роли... При этом вся актерская братия сгорала от зависти к его успеху и таланту!

В жизни выигрывает тот, кто умеет остановиться вовремя. Уровень претензий должен соответствовать уровню возможностей – вот старинный рецепт жизненного успеха.

Но чем энергичнее и талантливее человек – тем он неостановимее на любой стадии. То, что подняло его снизу до возможных для него вершин – гонит его: дальше, дальше, дальше!

Вот поэтому побеждают и благоденствуют в жизни отнюдь не самые талантливые и энергичные. Напротив – процветают люди достаточно ограниченные, с небогатым воображением, умеющие довольствоваться достигнутым уровнем, не сжигаемые вечной жаждой черт знает чего, не обуреваемые безумными планами, не собирающиеся «переделывать мир». Они не мнят о себе слишком много. Они гордятся своей трезвостью и здравомыслием. И агрессивно нападают на всех, кто покушается на их нехитрые жизненные взгляды – взгляды толпы, набор заемных расхожих истин. Они отмеряют откусить кусок по своим возможностям и не даются чрезмерным, по уму и темпераменту это «крепкие середняки».

«Он был из тех людей, которые в молодости говорят: „У меня будет пять домов“, именно пять, а не двадцать или миллион. И вот такие-то именно достигают со временем иметь как раз пять домов, в то время как те, кто желал миллион, остаются ни с чем», – писал Достоевский.

Самые яркие, самые талантливые, самые интересные, самые энергичные – очень часто терпят поражение на жизненном поприще там, где рядом благополучно процветают посредственности. Именно потому, что отчаянная энергия таланта прет и тащит его до уровня некомпетентности сквозь массу этажей, где он мог преуспевать и цвести.

О «неудовлетворенности таланта» слышали? Что талант вечно недоволен собой и своим творением, стремится к невысказанному совершенству и т.д. Вот то самое – все ему не так, всего ему мало, и живет он поэтому плохо.

У меня есть друг, гениальный бизнесмен. Он фонтанирует идеями и постоянно затевает грандиозные предприятия. Находятся партнеры, исполнители, инвесторы, дело растет как на дрожжах – а он упорно выращивает очередное драгоценное денежное деревце до размеров баобаба. Партнеры начинают кричать, что и так хорошо и достаточно, и норовят отколоть себе кусок от его дела и кормиться им. А он видит гигантскую перспективу, уже его лихтерный флот оккупировал всю Атлантику, уже его банки перекупают контрольные пакеты голливудских студий... и все как-то лопаются. А скромные партнеры процветают на осколках очередной со-

зданной им империи.

Помните сказку о скороходе, который носил на ноге прикованное цепью ядро – чтоб не бегать слишком быстро? Это ужасно мудрая притча, на которую филологи и философы никогда почему-то не обращают внимания. Помедленней, поспокойней, тише едешь – дальше будешь. Тормози.

Стремление к поражению

Это далеко не факт, что человек делает все лично от него зависящее, чтоб добиться желаемой цели. И не делает не просто по лени, или трусости, или недостатку энергии. Нередко у человека происходит просто не то «затмение мозгов», не то «затмение чувств», и он совершает шаги не просто неадекватные – но логически не объяснимые, противорациональные, противоречащие собственным желаниям и интересам. Это сродни искушению (см. «Искушение»).

Помпей не должен был проиграть битву при Фарсале. Войск у него было больше, и он – Гней Помпей Великий, храбрый старый солдат и опытный полководец – умел выигрывать сражения не хуже Цезаря. Но в решающий момент битвы он впал в странное оцепенение, в безвольную бездеятельность, прекратил управление войсками и стал тупо ждать конца. Чего и дождался. Цезарь был не из тех, кто упускает свой шанс.

Прошло несколько лет – и великий мудрый Цезарь буквально за шиворот приволок себя в сенат под кинжалы заговорщиков. Он был неоднократно предупрежден о заговоре и опасности, «бойся мартовских ид» – это вошло в присказку. Он знал римские нравы насквозь, у него были все средства обеспечить свою безопасность: он словно нарочно отказался от любых, элементарных мер безопасности.

Наполеон был храбр, но отнюдь не безрассуден. Начиная с 1809 года, как отмечала свита, он буквально лез под ядра, находясь под огнем безо всякой надобности. Противоречить императору было трудновато; генералы сошлись на том, что он поискивает смерти в бою. Смерть могла снять великие и неразрешимые противоречия, неодолимость которых Наполеон уже осознавал: он хотел слишком многого, и был не в силах ни исполнить все свои титанические планы, ни отказаться от них.

Любому, кто пускался в тяжелые предприятия, знакома животная тоска, в какие-то миги, предшествующие решительным шагам, охватывающая слабостью все существо: желание спрятаться, избежать ситуации, оттянуть время решительного шага. Хотя сам всего хотел и продолжает хотеть. Нет, это случается далеко не всегда, но и вовсе без этого никогда не обходится.

Это вроде тоски солдат в какой-то момент времени перед решающим боем – даже если они хотят боя и уверены в победе, и даже в том, что выживут, тоже могут быть уверены! – а все равно...

То есть. Вот у человека есть сильное желание и осознанная цель. Это требует усилий и действий. Есть и вера, и надежда, и силы. И вот подходит время конкретного серьезного действия. И человек готов действовать, он давно готовился. И вдруг в нем возникает летучая тень слабости и желания избежать ситуации; при том, что ситуация ему понят-

на и желанна.

Это желание избежать борьбы с жизнью, трудностей, риска.

Это сродни страху актера перед спектаклем или студента перед экзаменом. Все в порядке! – а все равно нервы взвинчены, и легкая тоска в животе. Почему? – даже в том случае, когда ничем не рискуешь, ничего не потеряешь.

Вот сидит бригада работяг – приехали на заработки, хотят работы и денег. Ждут, когда первый плот на реке покажется. Почему это невинное рабочее ожидание томительно людям, и когда таки показывается первый плот – деньги же плывут! – тоска толкается в желудке, и вместо радости – не то робость, не то желание, чтоб подольше не было этого плота: короче, стремление потянуть ситуацию, в которой пока можно ничего не предпринимать.

Это относится к первому приходу на новую работу, к переезду в новый город. Оттенок страха, робости, неуверенности, тоски, желания отодвинуть новую ситуацию.

Вот эта новизна многих ситуаций воспринимается человеком двояко. С одной стороны, он сознательно хочет. С другой стороны, он подсознательно побаивается, даже если ему видится и понимается, что бояться ну решительно же нечего. Чего он боится? Или спросим иначе: что вызывает у него отрицательные эмоции, нежелание?

Первое. Новизна грядущей ситуации означает неопределенность. Никогда нельзя знать заранее всех подробностей,

неизвестно какие вылезут неожиданности и случайности, надо быть готовым к чему угодно. Раз толком не знаешь еще, к чему, – ну так к чему угодно. Напряжение неопределенности велико потому, что неопределенность может потребовать всех твоих сил без остатка, и еще мало будет.

Неопределенность подступившего, но еще не наступившего – это вроде наступления привидения: не знаешь, чего от него ждать и как в случае опасности бороться и спастись. Поэтому привидение страшнее любого реального врага.

Перед неопределенностью человек беспомощен и беззащитен: есть возможность нежелательных и неопределимых событий, но защититься от них невозможно: не знаешь миг, когда потребуются от тебя действия, не знаешь конкретных размеров и направлений опасности. А быть защищенным от всего на свете в любой миг – никак не возможно.

Поэтому состояние неопределенности человек переносит до крайности плохо. Его нервная система пытается полностью мобилизоваться, чтоб быть в любой момент готовой ко всему – и очень быстро измучивается, устает. И вот человек уже готов даже к самому плохому исходу – потому что лучше один самый плохой, чем в каждый миг возможность любого из плохих. Как удачно выразился Мольтке-старший, «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас конца».

Разрушительную силу неопределенности во все времена хорошо знали следователи, «разминая» подследственных до полной утери воли и инстинкта самосохранения. Размоло-

тый неопределенностью человек сплошь и рядом кончал с собой, не в силах выдержать этой пытки – пытки ожиданием чего угодно в любой миг.

Таким образом. Стремясь к какой-то цели. Человек втягивает себя. В цепь ситуаций. Неопределенность которых ему тяжела и нежелательна. И он хотел бы ее избежать. Как сейчас, так и в будущем.

Начинающему лыжнику при спуске с горы трудно держать равновесие при каждый миг чуть меняющемся положении тела. И он сваливается раньше, чем мог бы. Он мог бы еще ехать, но эта постоянная неопределенность положения равновесия в каждый последующий миг достает его, и вестибуляр приказывает: к черту, мне очень трудно, хватит, падаем. Воля давит бессознательный голос вестибуляра, а привычка сильно уменьшает неопределенность, и через энное время лыжник будет в порядке.

Сходно и в жизни. Чтобы ехать, надо уметь заставить себя преодолеть трепет неопределенности – и тогда она перестанет быть неопределенностью, и даже наступит кайф езды: ты ведь сам хотел кататься. А можно безопасно свалиться на бок – и тем самым сразу разрешить ситуацию.

Консервативный инстинкт самосохранения велит избегать ситуаций, чреватых неопределенностью: живи тем, что уже есть сейчас, чтоб было спокойно и надежно. А стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям – велит действовать. И в результате человек, совершаю-

щий черт-те что в жизни, знаком и со страхом, и с тоской, – а все равно прет вперед и действует.

Но вот этот инстинкт самосохранения велит кратчайшим и прямейшим путем избегать неопределенных ситуаций: валиться на бок. Этот голос может быть неслышим – но он никуда не девается, знай себе зудит свое. Это вроде ультразвукового свистка для собаки: людям не слышно, а собака команды выполняет. Вот так и сознание всегда прислушивается к голосу «трусливого» инстинкта, велящего сидеть тихо в своей норе и не высовываться.

И человек вдруг начинает устраивать сам себе обломы – которых потом сам же себе не может объяснить. Он неожиданно хамит начальству, или под моральным предлогом отказывается от выгодного предложения, – и ломает себе карьеру. Он ищет поводов к ссоре с любимой девушкой. Или – вообще труднообъяснимо! – впадает в странную протрацию и с какой-то отчужденной горечью следит, как течение времени без всяких действий с его стороны складывает ситуацию так, что он уже избавлен от необходимости принимать ответственные решения и совершать решительные шаги: все рушится само собой.

Стремление к поражению как стремление к такой ситуации, в которой можно «отдохнуть», не напрягаться, продолжать жить на невысоком, но спокойном, известном, лишенном неопределенности и тем самым гарантированном от неожиданных опасностей и трудностей уровне. Стремле-

ние к покою кратчайшим и легчайшим путем. Стремление к предельному равновесию с окружающим миром.

Стремление к поражению как консерватизм инстинкта самосохранения: ничего не менять! пусть все будет как есть!

При этом крайнее выражение стремления к поражению – это стремление к самоубийству (см. «Самоубийство»): устроить ситуацию так, чтоб уже вовсе ничего не нужно было опасаться, вовсе ни для чего напрягаться не надо, равновесие с окружающей средой предельное. Снимаем энергетический излишек живого существа, и продолжаем без малейшего напряжения продолжать существование в форме простого круговорота веществ в природе. Наконец-то полный покой и полная безопасность.

То есть. Любому человеку свойствен здоровый и охранительный консерватизм, который предостерегает его от всевозможных авантюр с сомнительным исходом, от опасных и трудных ситуаций, который велит сидеть тихо, не высываться, не рисковать и беречь все силы. Предохранительная система.

И вот эта предохранительная система вмешивается во все наши действия – с разной степенью успеха и эффективности. Вмешивается «снизу», с уровня инстинкта, через подсознание. Она командует: «Сократись! Делай меньше! Осади назад! Не нужно тебе этого!»

И человек начинает конструировать себе поражение, не осознавая, что это его собственные, добровольные и само-

стоятельные, шаги – рушат цель, которую он сам себе поставил.

Таков основной аспект. Избежать огромности неопределенной возможности грядущего поражения тем, что сразу, быстро и самому устроить себе конкретное поражение – и тем покончить с мучительной ситуацией ожидания и готовности черт-те к чему.

Есть еще аспекты. Вот человек вдевается в какое-то большое предприятие. И все поначалу идет хорошо, даже – отлично! Пахнет верхом успеха, о котором он только мечтал! И тут интуиция говорит ему: «Не верю. Это слишком. Вряд ли. Да нет, не будет этого». Интуиция говорит ему: «Ты не потянешь. Это не твой уровень успеха. Сам чувствуешь, верно?»

Слушайте – все есть, все слагаемые успеха: и личные данные, и стечение обстоятельств, и качество делаемого им дела. Но. Пройдет время, и человек убедится: да, в том же месте успеха достигли люди менее способные и подходящие, и не в лучших условиях. Что было? Это можно назвать заниженной самооценкой, можно – неадекватной оценкой ситуации, можно – неуверенностью в себе и своих силах. Единственное, чего бедолаге не хватало – умения дожимать ситуацию, верить в себя, переть вперед безрассудно, тем более что все складывалось в его пользу.

Но. Он вдруг начинает совершать неадекватные, необъяснимые поступки. Он начинает выдвигать какие-то странные,

глупые, неожиданные условия. Он вдруг по «необъяснимо-му внутреннему импульсу» нарушает сроки. Медлит, когда надо срочно действовать. По странной робости перепускает кого-то вперед себя, объясняя себе это своей моральностью. А фактически – он ищет поводов к поражению.

Зачем ему поражение? Для спокойствия. Какого спокойствия, он же потом всю жизнь будет страдать? Будет. Что с того. Он полагал, что все равно «не потянет уровень победы» – не выдержит, сверзится с вершины, слишком трудно это для него.

Он боялся своей победы. Хотел, мечтал, стремился – но это пахло таким количеством постоянных трудностей и беспокойств, что он предпочел свалиться на бок и прекратить головокружительную езду. Его нервная система потребовала равновесия с окружающей средой на более низком уровне.

И еще один аспект. Стремление к страданию. Многие люди стремятся к поражению – вроде как чем-то на всю жизнь огорченный человек (а кто ж ничем не огорчен?..) в воображении присутствует на собственных похоронах: он уже умер, теперь все хорошо и спокойно, процессия, венки, его все любят, ну – сожалеют хотя бы, понимают ценность его достоинств: такой отрадный и в горечи сладкий трагизм. С высот жизни и здоровья приятно щекочет нервы и бередит чувства такая картина.

Вот так и с высот еще возможной и даже наклеывающейся удачи отратно – горько! сладко! остро! отратно! – вооб-

разить себе всю глубину своего поражения: зато все в жизни познал, много перестрадал и перечувствовал, что-то в этом очень значительное и манкое ощущается. В мыслях и чувствах уже всего достиг и все потерял, всем насладился и от всего перестрадал: огромную и богатую жизнь прожил... хорошо.

И бес толкает под ребро: давай! давай! сделай, чтоб так оно и было! И делает. Оно и спокойно, и надежно, и отрадно, и богато для мыслей и чувств.

Если мы посмотрим на тех, кто долез в жизни до самых вершин, то без труда убедимся, что за редчайшими исключениями не отличаются сверхудачники и сверхпобедители ничем незаурядным, кроме огромного самомнения, нерассуждающей уверенности в своих возможностях, неотклонимой последовательности в спокойных шагах к цели. Да, неглупы, работоспособны, упорны, но таких немало. Победителей же отличает то, что они абсолютно не хотят поражений. Они делают для победы все, для поражения – ничего.

Пока не дойдут до вершины – они раздражают людей своей наглостью, безапелляционностью, самоуверенностью, отсутствием сомнений в правильности своих суждений и действий. Ясное дело, таких людей меньшинство. Это та цельность, которая граничит с тупостью чувств.

И – и – вспомните теперь о Цезаре и Наполеоне. Добравшись до самого верха и полностью реализовав свои притязания, они впадают (синдром достигнутой цели) в некоторую

растерянность: а что теперь? Где великая цель, к чему прилагать все силы? Это не машины для жизни на вершине – это машины для достижения вершины. А поскольку с вершины все тропы ведут вниз – они начинают стремиться к поражению: ибо только в поражении могут обрести то максимальное действие, которое требуется их мощным натурам. В победе они уже обрели все возможное и мыслимое.

Избранники богов умирают рано – да, но по своей собственной воле, даже если не сознают ее.

Резюме хочется вынести, хотя уже и так все понятно. Стремление к поражению – это стремление свалиться набок, чтоб не таянуться со всей скорости и избавить себя от мучительного и рискованного труда лететь по круче; а лететь все-таки хочется, натура требует самореализации и самоутверждения.

Самоубийство

Вот они – толпы «вернувших билет»; похороненных у дорог и за оградами освященных кладбищ; молодых и старых, женщин и мужчин, богатых и бедных, умных и глупых, здоровых и больных, красивых и уродливых; одни не добились в жизни ничего, другие – всего, кроме счастья; зачем торопились они в вечность небытия, которая все равно никого не минует?..

Среди множества классификаций людей по разным признакам возможно и такое разделение: на тех, кому самоубийство в принципе понятно, они не раз задумывались, – и тех, кто всегда пытается узнать конкретную причину чьего-то ухода: «так почему все-таки он (богатый, знаменитый) застрелился?». Как будто повод для сильного недовольства жизнью все объясняет (или таки действительно объясняет?..).

Мы говорим: человеку потребны ощущения и действия, через то и проявляется инстинкт жизни, то и есть жизнь. Не опрокидывает ли самоубийство всю нашу систему? – вот, пожалуйста, по своей доброй воле человек отказывается чувствовать, действовать, быть.

Не новая и основательная наука суицидология рассматривает самоубийство как психическую патологию. Спасибо за лэйбл. А что такое патология? А это какие-то признаки,

явления, процессы вышли за свои «нормальные» размеры, их интенсивность стала слишком мала (или велика), и все здание психики перекошилось: там сильно, сям слабо, этого много, этого мало, – динамическое равновесие чувств нарушено, и вся постройка, произрастающая и базирующаяся на инстинкте жизни, заваливается и погребает под собой этот самый инстинкт.

Но эти общие слова нормальному человеку ничего не объясняют. Ему понять требуется: фиг ли не жить, если живется, да еще неплохо? Ерундить-то с чего, это ведь не шуточки – себя убить.

1. Мотивы. Их можно разделить на рациональные и нерациональные.

Человек смертельно болен и не хочет умирать беспомощным и в муках, вдобавок доставляя долгие страдания близким. Мотив понятен и логичен. (Хотя обычно человек мучится до конца, цепляясь за жизнь до последней минуты, выжимая из своего индивидуального бытия максимум.)

Или кончает с собой, чтоб покончить с непереносимыми пытками. Тоже понятно. Нет уже ни сил, ни смысла такие муки переносить. Тут смерть воспринимается как благо.

Или кончает с собой, чтоб не попасть в плен. Ненависть и презрение к врагу, победа или смерть, честь и долг велят. Понимаем.

Смертью человек может добиваться конкретной цели, если ее уже никак не добиться иначе: уйти от мук или, скажем,

от позора, который ему непереносим. Все поймут, и даже могут одобрить и уважать за это, объективно глядя на вещи.

А вот субъективная рациональность мотива: девушка вешается из-за несчастной любви, да еще оставив записку с указанием, кого следует винить в ее смерти. Ход рассуждений прост и логичен: страдания мои сильны и труднопереносимы, жизнь не в радость, а сплошная мука, надежды на взаимность нет, – но вот когда он узнает, он оценит меня лучше, поймет, жалко ему станет, раскается, помнить всю жизнь будет, пожалуй что и полюбит даже хоть как-то в душе, да поздно будет. На деле-то ему, может, и плевать на нее будет, но в ее воображении дело обстоит так. Просто сместились ценности: взаимно любить, добиться его любви – важнее, чем жить, ага.

Поэтому самоубийство из-за несчастной любви всегда людям было тоже понятно. Обычное дело. Не смог без нее жить, страдал страшно, покончил. И это даже внушает уважение к силе чувства.

Заметьте, здесь генеральный мотив тот же: уход от страданий. Но всегда некоторые скажут: дур-рак, из-за какой-то юбки!.. Если, значит, враги пытаются – здесь страдания объективно непереносимы, ничего не поделать, наркоза тебе палач не дает. А если, значит, из-за любви – ну, можно перетерпеть, перебороть, пережить – и жить дальше: живут же люди, ничего; твои страдания со стороны, объективно, рассматриваются как переносимые – хотя когда ты лезешь в петлю, ты

их уже не переносишь субъективно.

В суициде есть множество субъективно рациональных мотивов – которые объективно могут выглядеть ерундой. Большинство их сводится к одному: недостижение уровня притязаний, облом цели, неудовлетворение желания.

Разорился. Не получил премию. Потерпел неудачу в главном деле всей жизни. И так далее.

И если желание было огромное, то облом доставляет огромное страдание, и оно уже не «уравновешивается» силами и надеждой: где мой черный пистолет? и – он лежал к дверям ногами. Уход от страдания.

Субъективно это понятно, но объективно – может раздражать. Жить же можно!!

Что это лишний раз подтверждает? Что жизнь человека не замыкается на индивидуальное бытие, но – у человека могут быть желания делать что-то более сильные, чем желание жить. Человек как бы сам себя превращает в инструмент для чего-то, и это «что-то» становится целью и смыслом его жизни: скорее умрет, чем от своего откажется.

Положительное ощущение от деланья дела, от стремления к нему было столь сильным, что отрицательное ощущение от невозможности этого дела оказывается сильнее инстинкта жизни.

Как так?! Бред! А жить-то, жить?! А очень просто: – инстинкт жизни в человеке сильнее, чем потребно для простого выживания. И он требует ощущать и действовать

не на столько, сколько потребно для выживания – везде, всегда, любой ценой! – но больше: ощущать настолько сильно, действовать настолько активно, чтобы, через ощущения свои и реализацию желаний, употреблять в дело все силы без остатка, делать дело даже ценой жизни, а иначе и жить тебе незачем.

Жизненная энергия в человеке, превосходя животную меру, готова отрицать саму биологическую жизнь человека – лишь бы он энергопреобразовывал как можно больше.

Не для того человек живет, чтобы жить, а для того, чтобы действовать, дела делать, мир преобразовывать – кладя на это свою жизнь.

Еще раз. Любое субъективно мотивированное самоубийство – это уход от отрицательных ощущений, вызванных отрицательным внешним фактором. Сам фактор условен и возможности жизни не противоречит, совместим с ней. Значение фактору придает сам человек. Избыток энергии делает человека самосожженцем. Избыток энергии говорит: черт с ним, с тобой, с твоим телом и сознанием, ты мне дело сделай! Не сделал?.. так и жить уже незачем.

Количественное нарастание энергии в биологическом организме переходит в качественное и в некоторых условиях начинает отрицать себя, перейдя меру.

Но для понятности – о немотивированных самоубийствах и их причинах.

2. Массовые самоубийства тундровых леммингов в годы

пиков размножения – факт давно и широко известный, однако до сих пор не получивший у биологов внятного объяснения. Сплошной ковер этих мелких грызунов прет в каком-то направлении, пока не доходит до реки, где они все и тонут дружным хором. Совсем с ума сошли, что ли?..

Объяснение первое: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, надо мигрировать на новые земли, ну а река – просто препятствие, которое они очень хотят преодолеть, но не могут, силенок и соображения не хватает.

Объяснение второе: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, и столь же мудрая, сколь беспощадная, природа-мать топит их, как лишних в хозяйстве щенков.

Возражение на первое и второе: грызуны воду терпеть не могут, боятся, избегают, плавают плоховато и только в самых крайних случаях, так что покуда в зоне досягаемости есть корм, инстинкт самосохранения должен их в реку не пущать. А прокормиться самоубийцам покуда всегда есть еще чем.

На этом мысли у науки по данному поводу кончаются, и начинается «тайна природы».

Сводится эта нехитрая «тайна» вот к чему. Взаимозависимость всей биосферы и зависимость ее от солнечной активности (и других менее известных и более спорных факторов) сегодня понятна. Что значит, что раз в сколько-то лет (семь – десять в среднем) у леммингов наблюдается «ни с то-

го ни с сего» демографический взрыв? Что повышена энергетика популяции и каждой отдельной особи. Это шутка старая – когда ожидается много корма, самки зачинают и рожают больше детенышей. «Ка-ак природа предвидит?!» Она не предвидит. То же самое повышение энергетики биосферы (пик-скачок), которое дает/сказывает себя, реализует себя, обеспечивает увеличение корма – дает увеличение энергетики всего живого, в комплексе, не изолированно друг от друга. Травы, антилоп и тигров рождается в плодоносный год больше по одной и той же причине, а не одно вследствие другого. Причинная связь здесь параллельная, а не цепная.

Плодовитые лемминги в сумме популяции получают больше энергии, чем им необходимо для жизни. А делать им с этой энергией нечего, даже сытые песцы, волки и совы их больше не едят, не лезет.

Инстинктивная попытка миграции куда ни попадя – верно. Стихийное самоограничение популяции – верно. Это имеет место. Хотя: инстинкт жизни может гнать в реку, но не может гнать в океан! а это тоже случается – в море топятся толпами! и кроме того, тундра могла бы прокормить больше леммингов, чем кормит, – ан «они не хотят».

Мы имеем регулярные массовые самоубийства, которые не являются строго необходимыми, в том и «загадка».

Принципиальная разгадка в том, что избыток инстинкта жизни (который иными словами есть избыток энергии живой массы) переходит свою меру и ведет к самоубийству. Как-

вое самоубийство есть с одной стороны противоположность инстинкта жизни через его «продолжение сверх/через меру». А с другой – максимальное действие (отрицательное)! А какое еще действие может совершить миллион леммингов – город построить? Утопиться может – вот они были, и нету! Вот вам изменение мира.

Стоп-стоп-стоп. Какое ж это максимальное? Они же могут размножиться и покрыть всю Землю!

Да? Так они это и стараются. Потому что валя толпой через тундру, они еще при этом беспрерывно и бешено совокупляются. То-то ученые и ломают головы: что ж это они трахаются и топятя одновременно-то, что ж это за конец света такой по-лемминговски?..

Избыток энергии сказывается в производстве чисто механической работы: масса перемещается на расстояние, в чем нет необходимости с точки зрения выживания. Избыток энергии сказывается и в отчаянной сексуальной деятельности. И этот самый – этот самый!!! – избыток энергии сказывается в массовом самоубийстве. Ну не потянуть этим грызунам с их небольшим ресурсом нервноэнергетической мощности такого заряда. Требует заряд реализации, действий требует.

Так избыток энергии разрушает двигатель – ну не тянет он таких оборотов.

(Господа. Я никого не в силах заставить или научить понимать. Понимание определяется исключительно качеством

думанья, а этому нужно и можно учиться с детства, сейчас уже поздно, разве что взяться всерьез, но это сильно отвлекает от практических сторон жизни. Поэтому кто не понимает истинность диалектики – плюньте: можете знать, помнить, верить. Большинство даже так называемых ученых знают, помнят и верят без понимания. Оно весьма трудоемко и не всем по мозгам.)

Избыток жизненной энергии ведет к самоубийству. Через свое естественное продолжение – к своей естественной диалектической противоположности.

3. Есть прелюбопытная аналогия с совокупляющимся и самотопящимся леммингом. Это эрекция висельника.

Механизм-то можно свести к механическому воздействию на проводящие нервные пути, да принципиальная суть-то от этого не меняется. Максимальное отрицательное действие – насильственное умирание – сопровождается максимальным положительным: инстинктивной попыткой отправления репродуктивной функции.

Здесь возможна натяжка. Есть ведь разные способы умерщвления, и ничего подобного при них не происходит. Кровопотеря, шок, рауш, и никакой эрекции. Если кто тонет в теплой воде в вертикальном положении – про эрекцию также ничего не известно. Равно как насчет признаков полового возбуждения у повешенных-женщин. Все-таки мы относимся друг к другу не вовсе как к подопытным кроликам.

Конечно: начальное возбуждение сердечной деятельно-

сти, повышение кровяного давления и выброс адреналина при одновременном перекрытии путей питания головного мозга: вот кровь и бросается куда может, а все сфинктеры расслабляются, потому что перестают поступать из мозга команды на напряжение их мышц, так что извержения семяизвержением не ограничиваются.

И однако факт примечательный, не стоящий обходить вниманием.

4. Среди кого больше всего самоубийц? Мужчины 25 – 40 лет. Самая рабочая половозрастная группа. Максимум действий производятся именно в этом возрасте. Не хилые страдающие старики, отнюдь не.

А среди кого больше всего попыток к самоубийству? Женщины 16 – 30 лет. Но их попытки гораздо реже завершаются.

И что из этого следует? Умная и скорбная наука суицидология принципиального анализа этому факту не дает. Но сильно думает о частностях; что тоже невредно.

А следует из этого нехитрое вот что.

Максимум дел жизни мужчины приходится на этот самый возраст. Максимум передела мира, максимум реального энергопреобразования. Здесь и плато «максимального энергопреобразования» собственной жизни, увы...

Максимум дел жизни женщины приходится на тот же – соответствующий плато суицидных попыток – период: создание семьи, рождение детей, завершение главного – по про-

стой природе – периода жизни.

В силу своей меньшей жизненной активности, меньшей энергии вообще – женщина, во-первых, чаще склонна решать неразрешимый конфликт образом субъективным, внутренним, отрицательным, – уход от страданий через уход из жизни. Решать конфликт между ощущениями на уровне разборки с ощущениями без передела внешнего мира. Ее арсенал средств воздействий на мир меньше, слабее, чем у мужчины, и в этом арсенале такое средство переделки системы «я – мир», как самоубийство, занимает большее место, имеет больший удельный вес, вот она чаще к нему и обращается.

А во-вторых, та же меньшость энергии по сравнению с мужчиной, которая чаще заставляет ее искать разрешения конфликта через самоубийство – реже позволяет довести намерение до конца.

Понятно ли? Более частое обращение как к средству субъективного решения при невозможности объективного решения – от слабости. (Как-никак в плане взаимодействий с миром, самоубийство – оружие слабости.) И от слабости же – более частая невозможность это самоубийство совершить.

Более энергичный мужчина чаще идет на экстравертное решение проблемы – но уж идя на суицид, гораздо чаще доводит его до конца.

Вот такая антиномия. Нет противоречий. Из этого же никак не следует, что мужчина в 16 – 30 лет думает о само-

убийстве в среднем реже женщины, верно. Просто он чаще норовит решить вопрос путем передела внешних факторов, чем женщина.

5. А в какое время совершается больше всего самоубийств? О, это хорошо знает «скорая помощь». Хотя тоже не всегда...

Весной. В полнолуние. Вечером.

Весна – это период гормональной перестройки организма. Энергия подпрыгивает. А уровень ее за зиму понизился. Подпрыг во многом осуществляется за счет внутренних ресурсов. Сил меньше – а активность организма больше. Психика активизируется внешней средой – и ей потребны более сильные ощущения и действия.

Время любви и время самоубийства – одно время: повышенной возбужденности.

Полнолуние весной – это влюбленные, это мечты, а еще – это рецидивы и обострения психических заболеваний, беспокойство и возбуждение психов. Время приливов и особенно страстного волчьего воя на луну.

Возбуждение можно снять (понизить) медикаментозно. Можно снять излишек энергии тяжелой работой. И тогда самоубийства не будет. Потому что в основе его лежат избыточные ощущения – а что с ними делать, человек не знает. Избыток энергии никак не может найти точку приложения – а делать что-то нужно.

Опять же можно сказать: максимальное ощущение требу-

ет максимального действия. Но никакого адекватного действия вне себя человек не находит. И идет на максимальное субъективное действие, предельно изменяя систему «я – мир» путем вообще устранения себя.

6. В каких условиях человек чаще всего склонен покончить с собой? Когда его нервная энергия рассредоточена, «распылена», когда нет никакой постоянной нужды направлять ее на выживание.

В концлагерях, свидетельствуют очевидцы, в тяжелейших условиях выживания на грани смерти – самоубийства были крайне редки. Хотя и мук, и безнадежности хватало выше головы. Корка хлеба, час отдыха, теплая рубашка становились огромными ценностями. Все силы и помыслы замордованного донельзя человека сосредоточивались на выживании, весь инстинкт жизни, задавленный тяжелейшими условиями, обострялся и заставлял человека использовать любую возможность для выживания. Мерли толпами, энергии для жизни не хватало. Какие излишки!.. Любую крошку топлива – в топку жизни, образно выражаясь.

Опять же – противодействие действию. Жизнь решила меня уконтропупить – не дамся, не стану, цель огромна, трудна, желанна – выжить. Умереть здесь – проще простого: лег – и помер, можно даже и не делать ничего; не говоря о карцере, конвоире, который рад при случае пристрелить за любое нарушение, тяжелой работе, которая убьет в пару месяцев, если не исхитришься как-то устроиться полегче. Вы-

жить – цель, смысл; предельная самореализация, предельное самоутверждение.

Тот случай, когда жить труднее, чем умереть. Смерть и так всегда рядом; и уж если пришла неминуемая – встречали с покорностью и даже равнодушием: а что поделаешь... и нет уже никакого ресурса сил, чтоб дергаться, сопротивляться и даже переживать особенно. Все-таки она победила, значит... а все силы в борьбе с ней уже исчерпаны.

Всем своим существом и каждым усилием борясь со смертью – чего ж это вдруг кончать с собой, своей рукою ей помогать, на то немало чужих рук есть.

Концлагерник поставлен в условия, когда борьба за выживание берет все его силы без остатка, еще и не хватает. Цель ясная, огромная.

Излишка нереализуемой энергии, потребного для самоубийства, у концлагерника нет. Вся энергия концентрируется в дело выживания.

Так. А если исполнить его «малую мечту» – теплая камера, сытная еда, вольный распорядок в этой одиночной камере, безделье? А вот тогда кое-кто может и повеситься, что в тюрьмах всегда регулярно и происходило.

Нет, вы понимаете? Тот, кто изо всех сил выживал на ледяной Колыме – может повеситься в камере, где выживание гарантировано! Вот тут уже чувства и мысли нахлынут: зачем жить, все ужасно, все равно не выйдешь... безнадежность, тоска, депрессия, петля.

У него высвободился излишек энергии, а приспособить его не к чему, нет для этого условий: ни бежать, ни работать, заживо похоронен. И теперь этот излишек энергии раскачивает его психику, «из головы» возбуждаются сильнейшие «субъективные» (физическими муками не вызванные) отрицательные ощущения, достигают критической массы – и он идет на максимальный шаг: уничтожить себя и весь мир в себе.

А теперь вспомним благополучную Швецию с ее высоким уровнем самоубийств. Чего не хватает?! Жесточкого диктатора насчет необходимости приложения всей энергии к чему-либо. Можно чего делать, можно ничего не делать и тоже жить нормально. Тоска и бессмысленность. Жизнь перестает быть драгоценностью – а хрен ли с ней особенно делать.

Чуете? Процент самоубийств в процветающем обществе – выше, чем в зверском концлагере.

Ибо ощущения томят, энергии излишек, свобода действий – и ничего строго обязательного. И инстинкт жизни, который концлагерника заставляет выживать – благополучного человека толкает: чувствуй больше и круче, делай что-то, делай, ну, ну!!! Боже, а что делать, зачем жить...

Та же сила, которая позволяет выжить в тяжелейших, невозможных условиях – в легких и свободных от обязательности условиях может принять форму толчка к смерти.

7. И ведь иногда удивительную изобретательность, удивительное мужество являют самоубийцы! Способы ухода из

жизни очень многочисленны и порой крайне болезненны. Снотворное или морфий – это уход по-царски, комфортное засыпание. Вены резать, даже в теплой ванне – все-таки менее приятно. Курок спускать – это смерть мгновенная, а из окна выбрасываться? А эссенцию пить, сжигая горло и пищевод? А в петле плясать, задыхаясь? А нож в себя воткнуть?

Но уж когда человек твердо хочет уйти – он над собой такое делает, чего человек в нормальном состоянии и представить не может. Под поезд и под автобус, головой об стенку и косою по шее, в омут и за борт, на высоковольтные провода и к выхлопной трубе автомобиля в запертом гараже.

Это краткое и излишнее перечисление – только для пущей понятности: что самоубийство – это действительно максимальное субъективное действие человека, и ощущения, которые заставляют его делать это – действительно максимальные ощущения, сильнее боли, ужаса, отвращения и страха смерти.

8. И вот теперь легче понять «немотивированное самоубийство». Что означает – понять механизм возникновения «безмотивного» желания покончить с собой.

У художников, кстати, процент самоубийств выше среднего по населению. Чего? Понятно. Нервная система активнее и подвижнее, все эти поэты и музыканты чувствуют остро, возбуждаются легко и сильно, их способность к ощущениям и потребность в них выше, чем у среднего граждани-

на.

Немотивированное самоубийство сродни поискам смысла жизни (см.).

Вот у человека все есть. Здоровье, ум, сила, деньги, внешность. И даже талант и слава. Маяковский. Мерлин Монро. Генеральная цель достигнута, генеральное желание удовлетворено.

Но сила ощущений осталась. Но желание «чего-то» осталось. Тот самый избыток энергии, который возвел к успеху, требует: действуй, свершай, преодолевай, ощущай! А – куда, чего, как?

Наступает опустошенность. Разочарованность жизнью вообще. Гнетет бессмысленность бытия.

Собственные силы и собственный интеллект играют с человеком дурную шутку – с человеком, который добивался счастья экстенсивным методом, через внешние действия. «Я все могу!» – говорят силы. «А на кой черт?..» – возражает интеллект.

Добившийся успеха человек возвращается в первоначальное состояние – ощущения требуют действий, желание томит – но исчезла точка внешней прицепки: она уже достигнута, а изменения внутреннего состояния, т.е. того самого счастья, оказывается, не произошло. Ты тот же самый, что и был, и мир вокруг тебя точно тот же самый, изменился только антураж, но он, оказывается, никакого такого особого значения не имеет. Интеллект анализирует нажитый опыт и

услужливо сообщает, что понятия не имеет, как сделать тебя счастливым.

А еще интеллект сообщает, что мир несправедлив, сволочизм торжествует, человечество смертно и по большому счету любые действия не имеют никакого смысла. Посредством такой интеллектуальной самоуслуги человек впадает в страдание. Этим «через-интеллектуальным» страданием природа подталкивает его к действиям: неприятно страдать, неохота – так избавляйся, надо что-то делать. А вот что делать – он не знает! бессмысленно же все!

Творческих людей острее, чем прочих, томит этот милый комплекс. У них психоэнергетика выше. Можно пить, колоться, играть, распутничать, метаться по миру, – творческие люди это делают больше средних людей. А можно работать. Втягиваешься в дело, увлекаешься, и пока работаешь – оно и легче, не думаешь о бессмысленном гадстве мира.

«Творческие» и «духовные» «кризисы» художников – это именно такие вот состояния. (Достигнув в тридцать лет успеха и славы, всю жизнь страдал этим комплексом Хемингуэй – человек сильный, глубокий и не шибко интеллектуальный. Не понимал, почему мучится. Пока мог работать – спасался работой. Стал стар и болен – покончил с собой. Отвлечься работой уже невозможно, а ради чего что-то делать в жизни – непонятно.)

То есть:

– Если человеку вовсе не из-за чего страдать. То страда-

ние приходит через интеллект. И принимает абстрактную форму недовольства устройством мира. Избавиться от этого страдания внешним действием невозможно – мир в принципе неперedefьываем, говорит интеллект. Остается только субъективное, внутреннее действие – убрать себя, только так избавишьcя от такого рода страдания.

Страдание ослабляется алкоголем или наркотой. Это помогает в «несмертельных», не очень сильных случаях. Или временно помогает, а потом человек все равно кончает с собой. Или наркомания есть сравнительно осознанная форма постепенного самоубийства.

9. Тот самый разум (мы употребляли сейчас слово «интеллект» в этом смысле), энергия второго рода, посредством которой человек и перелопачивает мир с такой страшной интенсивностью, играет подчас с человеком, повторяем, скверную шутку. Он доставляет человеку страдание (см. «Страдание»), дабы побудить его к действию – и он же сообщает, что действие не поможет. А сознание того, что действие не поможет – сознанием воспринимается как причина страдания.

Вот где закавыка! Причина страдания на самом деле не в том, что мир плох – а в том, что природа заставляет тебя его переделывать, кнутом страдания подстегивает к действию. Страдание твое такое – безмотивно. Оно означает: Боже, я хочу жить в полную силу, интересно и напряженно – или, иными словами: хочу ощущать, хочу действовать! но не к чему же силы приложить, ничего конкретного неохота,

все необязательно, бессмысленно... пусто мне, тоска меня томит и давит!..

Интенсивный способ ухода – алкоголь, наркотики.

Экстенсивный способ ухода – авантюры, драки и сражения, приключения (на свою ж...) и путешествия.

Но еще – оформленный в разум избыток энергии отчаянно ищет себе применения: и принимает все это вид усиленного думанья, анализа, постижения мира. Это стимулирует познание мира. Энергия хотения обретает вид энергии познания. «Как же устроен мир, если мне в нем плохо неизвестно почему? Как он устроен, как? что мне в нем делать?»

Чем интеллектуальнее и образованнее человек, тем бóльшим объемом информации он оперирует в своих безвыходных размышлениях, тем глубже мир ему открывается – куда глубже, чем незатейливому пахарю. Но суть одна и итог один: все хреново и бессмысленно. Он и полагает обычно: ему хреново, потому что все бессмысленно, и он понимает тщету и бессмысленность любых действий. А на самом деле все обстоит как раз наоборот: все представляется ему бессмысленным, потому что ему хреново. А хреново ему потому, что железной рукой жестокой жизненной необходимости он не пристегнут ни к какому обязательному делу. Его излишек энергии киснет, пропадает, бунтует, перегорает – а разум пытается найти этому объяснение. А раз в частности все неплохо – то разум объясняет это состояние причиной глобальной, всеобщей: а нет в жизни смысла и счастья. Ко-

му-то есть, может, им почему-то в охотку и интерес что-то делать, так они глуповаты, не понимают общей бессмысленности... а может, секрет какой-то знают? мне бы его узнать!..

10. Что делает экстраверт? Орет, рыдает, дерется, пьет.

Что делает интраверт? Думает, вздыхает, ворошит мысли и бередит чувства.

Может ли экстраверт (по преимуществу, чистых односторонних типов не бывает) впасть в интравертное состояние? Запросто, что регулярно и происходит. Синдром достигнутой цели. А теперь чего делать?.. Мучится без толку.

Безмотивное самоубийство всегда происходит в интравертном состоянии. Чувства чего-то требуют, а с действиями напряженка: неохота.

Это состояние понимателя. Ощущения возбуждают мысли, а выхода во внешние действия не происходит.

Безмотивное самоубийство есть акт неудовлетворенности устройством мира.

Безмотивное самоубийство есть акт «зашкаливания» познания, которое со всей силой стремится к некоему идеальному познанию мира, высшему, конечному, абсолютному, – чего, конечно, не может произойти в реальности, ибо никакой конечный идеал познания не существует; но вообще на пути этого стремления человек ведь действительно познает черт знает что и много до чего додумывается.

Безмотивное самоубийство есть акт ухода от мук познания – которые могут быть куда как сильны, если все ощущение

ния (ну, не все, так очень много) суммируются в возбуждение мыслительного процесса. Мышление на какой-то период становится главным делом. А поскольку познание мира неисчерпаемо и бесконечно – то невозможность достичь того самого предела, при напряжении всех-то сил, доставляет муки немалые.

Безмотивное самоубийство есть акт капитуляции перед невозможностью перевести свои ощущения в адекватные действия. Взрыв парового котла при неотводе пара в машину и недостаточности предохранительно-спускных клапанов.

Безмотивное самоубийство есть акт невозможности перевести свои ощущения в осознанное желание конкретной цели.

То есть. Избыток энергетики ведет к прямому саморазрушению.

Скорпион жалит себя в голову. Он храбр, агрессивен, энергичен, а выбраться из банки невозможно: так делай что можешь.

11. Безмотивное самоубийство совершается в состоянии депрессии. А депрессия – это и есть состояние чувственной и интеллектуальной безвыходности: мне плохо, и все, что я знаю, говорит, что лучше не будет. Нежелательные ощущения и невозможность избежать их через изменение ситуации.

12. Но стоик живет там, где депрессант вешается. Стоику тоже плохо и безвыходно, но он – мужествен, да?

Всем бывает плохо, но почему одни вешаются, а другие – нет?

Это все равно что спросить: а почему не все люди такие, как я? А потому что разные. Разные нервные системы. Разный энергетический уровень. Разная степень трансформации энергии в мышление и в реальные действия.

«Я бы на его месте не застрелился» означает: я не такой, как он. Еще бы, кто ж спорит. Но еще это означает: «Я его не понимаю». А потому что по себе все меришь. Человек редко способен влезть в чужую шкуру.

13. В состоянии кризиса, т.е. когда ощущения не переходят в конкретные желания, любой внешний фактор может стать роковым, превращаясь в субъективный мотив к самоубийству. Хотя в уравновешенном и активном состоянии на это было бы наплевать. Самоубийства из-за разного рода неудач, деловых или личных, чаще всего совершаются именно в таком состоянии. Видимая причина на самом деле была лишь поводом, толчком.

14. Многие очень энергичные и деятельные люди подвержены периодическим приступам депрессии. Что есть реакция на сверх-деятельность. Сильные положительные ощущения регулярно переходят в свою противоположность – сильные отрицательные (см. «Все о жизни», Ч. I, гл. 2, п. 5 «Полнота жизни»). Безмотивные самоубийства многих великих людей – это максимальный шаг в области отрицательных ощущений, которые также требуются их нервной системе.

15. Если подкачать депрессанта энергией – через химию, через экстрасенса, – он ведь с известной вероятностью уже не станет с собой кончать? Как же так: энергии больше, а поступок – меньше?

Э. Тот, кто годами лежит на диване, не в силах умыться, и тихо плачет – через самоубийство уходит от безмотивного страдания. Поддав ему энергетика – мы меняем ситуацию: он уже меньше страдает, потому что начинает что-то делать: мы сдвигаем психическую доминанту в сторону простых действий, и доминирующий очаг возбуждения коры подчиняет себе и подавляет соседний. Человек уже способен не только на интенсивное действие, но и на экстенсивное. Он уже может преобразовывать мир не только субъективно, но и объективно.

Поддать человеку энергии – означает: а) у него есть силы разрешить ситуацию через действия или хоть стремление и надежду, желание этих действий; б) ему делается плевать на эту ситуацию, т.е. он разрешает ее субъективно – а и так появляется желание что-то делать.

Самоубийство же есть разрешение ситуации, которая мучит и нет сил разрешить ее иначе.

А вот другой ход: загоните депрессанта в лес и оставьте одного; ну, дайте нож и спички. Взбодрится! зашевелится! выживать начнет, плакать бросит. Что он обрел? точку приложения для концентрации сил. Нашел, наконец, что делать. Энергия инстинкта жизни пришла в динамическое равнове-

сие с условиями жизни – что и требовалось.

16. «Слой состояния» безмотивных самоубийств – как бы горизонтальная полоса, ниже которой – все силы идут на решение задач, ощущаемых и понимаемых как необходимые, а выше которой – сил столько, что сам процесс жизни так или иначе идет в кайф, хоть и с трудностями, с мучениями, но и с радостями.

Опустят тебя обстоятельства ниже – семью кормить, за родину воевать, от наводнения спастись – и пока нужда есть, о самоубийстве думать забудешь. Поднимешься выше – будь стимулом витамины, или счастливая любовь, или неизвестно какая неожиданная удача – и жить тоже можно становится, аж обмен веществ улучшается.

Почти все люди исправно живут в нижней половине, постоянно создавая себе искусственные нужды и стимулы. Напрягаются, стараются. Устают. И – достижение целей, излишнее благополучие – им бывает вредно и опасно. «Вдруг» понимается, что усилия необязательны, потребность в ощущениях теряет конкретную направленность желаний, и тяга к самоубийству ассоциируется с «душевной опустошенностью» и отсутствием смысла жизни.

А отчаянное жизнелюбие, позволяющее просто жить, плюя на все и даже вопреки мыслям о бессмысленности всего – от рождения дано далеко не всем. Преобладание витального момента над рациональным.

17. Еще раз. Субъективно мотивированное самоубийство

означает: некие условные ценности могут быть важнее жизни; необязательное и излишнее объективно действие может быть важнее жизни.

А безмотивное самоубийство означает: возможности ощущать и действовать резко превышают уровень, необходимый для желаемых действий. Можно говорить об ослаблении мотивации к избыточным действиям. А поскольку избыточные действия и составляют суть жизни собственно человеческой, иногда это формулируют как ослабление воли к жизни.

Иногда это механизм усталости. Человек больше не тянет нагрузок – но отказываться от них не хочет! Он мечтает отдохнуть – но категорически не согласен стать веселым нищим, беззаботным бродягой, жить потихоньку, не перенапрягаясь. Это подобно смерти в бою, где командир-инстинкт-жизни ставит задачу на достижение цели любой ценой: умереть, но не отступить. (Обычный выход из состояния носит обычно форму: да черт с ним со всем, лучше жить хоть как-нибудь, чем стреляться... можно даже что-нибудь делать еще будет... и даже немало... собственно, меня никто под дулом не заставляет, могу в любой момент бросить все... ладно уж, поделаю еще немного... пока еще я могу тянуть дальше, ничего страшного, ведь бросить все к черту никогда не поздно, у меня есть этот выход... едем дальше.)

Ослабление мотивов к избыточным действиям может быть следствием усталости. Или достижения цели. Или недо-

статочности сопротивления среды: если человек полагает, что без особого труда все может, так не очень и охота, он не испытывает давления внешней среды, которая рефлекторно побуждает действовать в ответ, как бы сжимая его внутреннюю пружину-энергию.

Здесь дело в известном равновесии витального и интеллектуального начал: интеллект понимает условность и конечную бессмысленность любых действий, а витальность недостаточно сильна, чтоб заглушить голос интеллекта и заставить все равно действовать «просто так», из безусловной потребности.

Это равновесие может иметь место на более низком уровне – у людей вялых и не шибко умных, на более высоком – у энергичных и умных. Кончают с собой и те, и другие, дело только в равновесии.

Равновесие может быть нарушено как утяжелением условий жизни, которое мобилизует и концентрирует энергию и ставит конкретную задачу (к выживанию), чем приглушается голос интеллекта, – так и подкачкой энергии или ее стимуляцией, т.е. поддергом витальности, которая начинает «нормальным образом» преобладать над интеллектом.

Доброта

«Брат мой, если подданные говорят, что король добр – это означает, что царствование не удалось...» – писал Наполеон Жозефу, которого пристроил мелким королем. Жозеф пытался оправдывать свои малые успехи тем, что зато он хороший человек, любимый народом.

Все знают, что быть добрым – хорошо. Еще все знают, что добрым людям живется плохо и трудно. Пользуются и часто злоупотребляют окружающие их добротой. Несправедливость жизни, понимаешь.

Что такое доброта? Это способность принимать чужую нужду в сферу собственных интересов и действовать добровольно и бескорыстно в интересах другого человека. Как бы чужая нужда становится своей собственной.

Понятно, что есть разные степени доброты. Попросту говоря, любая доброта имеет свои границы.

Легко быть добрым, если чужая нужда никак не ущемляет твою собственную. Ты богат, а явно нуждающийся человек робко просит у тебя десять рублей. И ты даешь – не чтоб он от тебя отцепился, а из искреннего сочувствия. Недельную зарплату ты уже незнакомому человеку просто так не дашь, самому надо сводить концы с концами. Эта мелкая бытовая доброта твоих интересов, в общем, никак не ущемляет – даже наоборот, наряду с вежливостью и приличными манера-

ми облегчает общение с окружающими, подобно смазке детали в механизме. Они довольны, ты собой доволен, жить лучше и легче. Здесь не приходится делать выбор «или – или» между своим интересом и чужим.

Поэтому говорят часто о доброте сильных и талантливых. Да отчего ж не сделать добро другому, если у самого и так все круто в порядке. Даже приятно лишний раз ощутить свою значительность, решив трудные для другого проблемы «почти без отрыва от производства»: знай наших, будь здоров. Набить кому морду, помочь в работе, подкинуть денег: вот такой я хороший и здоровый парень, если что – обращайся, все в жизни сделать можно. Здесь доброта не лишена отчасти аспекта самоутверждения: «могу и делаю, я значительнее тебя». А потери времени и труда сравнительно невелики, не принципиальны. От такой доброты у тебя, в общем, ничего не убыло.

Поэтому, кстати, и существует старая поговорка «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Человека самолюбивого может ущемлять, что он оказался менее значителен, чем его благодетель, и по ситуации зависим от него. И, мелкопузый, не в силах отплатить равной мерой добра – он может стремиться (даже подсознательно) освободиться от психологической зависимости и доказать свою значительность, отплатив за добро злом. Я не могу тебя спасти, как ты спас меня – зато смогу тебе такую подломаку устроить или вообще погубить, что и тебе, и мне ясно будет, что я тоже очень

значителен и даже значительнее тебя. Ты за меня поручился и устроил на работу в свой отдел – я на тебя напишу донос и сяду на твое место. Боже, сколько было подобных случаев! Так что если ты силен, талантлив, богат, – твори добро с оглядкой, милый... смотри, с кем имеешь дело.

От десятирублевой доброты перейдем к сторублевой – то есть к такой, где уже размеры чужой нужды соизмеримы со своей собственной; здесь ты уже поступаешься чем-то ощутимым. Вместо того, чтоб отдохнуть выходные на рыбалке, скажем, вкальываешь за камрада, у него жутко важное любовное свидание.

Тут что получается? От того, что в эти самые минуты в Африке неизвестный тебе человек умирает от голода, ты от обеда не отказываешься. Всех не накормишь, а самому кушать надо. Но если голодающий рядом, а больше кругом никого, то свой обед ты ему безусловно отдашь: ему нужнее. Ты и так обойдешься, ничего страшного.

Так вот, значит. «Условно недобрый» человек всех окружающих с их нуждами норовит зачислить в разряд безвестных голодающих Африки: всех не пережалеешь и не облагодетельствуешь, а своя жизнь одна, и прожить ее надо так, чтоб всего ухватить. А «условно добрый» к нужде всякого встречного-поперечного, коли она серьезна, готов подойти с меркой: «кому это нужнее – ему или мне?». Друг, товарищ и брат.

Истинно добрый человек способен уступить другому оче-

редь на бесплатную квартиру, лучшее рабочее место, вообще что-то нужное и важное, что существует только в одном экземпляре на них двоих – если сочтет, что другой имеет на это больше прав или более нуждается. Он честно взвешивает нужду другого и собственную на одних весах – и честно делает выбор в пользу справедливости. Он вообще привык брать себе за столом меньший кусок.

Вот тут ему и хана. Вот тут его и взнуздают, оседлают, затянут подпруги и начнут ездить верхом. Потому что всех, да, не пережалеешь. Всегда найдется тот, кто беднее и несчастнее тебя. И чем выше ты поднялся – тем шире толпа более нуждающихся. Но опасение это напрасно – добрый человек не поднимется высоко нигде, где есть какая-то конкуренция – а она есть везде. Богат? – разорят. Сильный? – уговорят. Талантливый? – ограбят.

Доброго человека всегда используют менее нравственные окружающие, которых всегда полно. И чем ты добрее и честнее – тем менее нравственны окружающие относительно твоего совершенства.

А «условный идеал» доброты – это вообще отдавать все по первой просьбе и без просьб. Вот Святой Мартин отрезал прокаженному нищему половину своего плаща – а ведь мог бы отдать весь. Был бы, вероятно, еще святее. Но даже отцы церкви сочли, что половины плаща достаточно.

И вот добрый человек часть своей жизни (в форме времени, денег, труда, имущества или еще чего) отдает просите-

лю (вымогателю, проходимцу, нищему, сослуживцу, другу). Он, может, и не собирался это делать, но он же добрый, его уговорили, объяснили, доказали, разжалобили – он проникся и поставил чужую нужду выше своей. То есть – доброта отчасти сродни слабохарактерности. Очень часто добрыми называют людей, которых легко уговорить поступить вопреки своим интересам в интересах других.

Есть ли грань и различие между добротой и слабохарактерностью? Различие есть – грани нет. Все-таки добрый человек в разбойники не пойдет и прохожих резать не будет, а слабохарактерного друга могут уговорить. (Потом мать на суде рыдает: «Да он всегда был такой добрый, мухи не обидит, это дружки все сбили с пути!..») Слабохарактерный человек легко уступает внешнему давлению, и тогда уже может поступать против собственных интересов. Слабохарактерность можно считать «наведенной», «локальной» добротой – убедили человека принять чужую нужду как собственную, а фактически – подчинили.

Слабохарактерный идет по линии наименьшего сопротивления: ему легче отдать свое, чем отстаивать. Добрый отдает добровольно – но границы этой добровольности не существует: его можно разжалобить, убедить опять же, да и просто ему непереносим вид чужих страданий, а изобразить страдания всегда можно («пользоваться добротой»). Суть одна – принятие чужой нужды как собственной.

Слабохарактерный человек способен на зло – а добрый,

очевидно, нет, даже если его будут очень просить, плакать и умолять, например, поступить в палачи. Да?

Внимание! Добрый человек впиливается в ситуацию: из двух зол надо выбрать меньшее. А это в жизни на каждом шагу, тут никуда.

Чистый опыт: надо оставить на смерть арьергард, чтобы связать противника боем и спасти, увести остальных солдат. Как нельзя более обычная на войне ситуация. Сам с арьергардом остаться и умереть не можешь: обязан командовать остальными. Арьергард помирать не хочет, жить всем охота. Будь ты трижды добрый, а людей на смерть посылать надо. Можно, конечно, застрелиться и тем снять с себя груз проблемы, но это ничего не изменит.

Что сделает «идеально добрый» человек, идеально свободный в своих действиях? Он договорится с противником: ребята, хрен с вами, мы отдаем вам такую-то территорию, принимаем такие-то ваши условия, платим репарации, но убивать больше никого не надо, уж очень это ужасно, неприемлемо. Лучше уж будем мирно и по возможности дружно жить под вами, лады? Хана армии, хана государству, уж в рабстве нахлебаетесь счастливой жизни.

В жизни разные нужды разных людей вечно противоречат друг другу, и быть добрым для всех невозможно. И противоречия решаются через того или иного рода суд, от внутреннего до уголовного. И суд этот руководствуется справедливостью, оформленной в закон. А закон отнюдь не добр –

«закон суров, но это закон», чеканно и на тысячелетия сформулировали римляне. И в этом суде, как ни верти, добрый человек – адвокат, а не прокурор.

И возникает другая сентенция: «Добро должно быть с кулаками». Знакомо, да? И маузеры добрых чекистов начинают работать по подвалам, потому что чекисты очень-очень добрые и сжигают себя на тяжелой и грязной расстрельной работе, ставя выше своей личной нужды в хорошей жизни – счастливую жизнь всего грядущего человечества.

Как только мы оправдываем конкретное сегодняшнее зло стремлением к абстрактному завтрашнему добру – само понятие доброты теряет смысл и превращается в пустую софистику и словоблудие. Можно ли назвать добрым палача, который не мучит казнимого, а убивает сразу и безболезненно? Не будет добрый человек палачом, и все всегда это знали, и отношение к этой профессии всегда было соответствующее. Добрый человек скажет: «Не могу я его, беззащитного, хоть и гада, убивать... ну его к черту, пусть живет, скотина». И что? И гады будут дальше резать невинных и жить себе.

Я не противник смертной казни. Я противник того лишь, чтобы считать смертную казнь актом доброты. Справедливости – да, целесообразности – да, но доброта тут ни при чем.

А если тебя семьи убиенных просят казнить убийцу – как же их праведная нужда в справедливости, противоречащая отчаянной нужде осужденного пожить еще? Что делать в та-

кой ситуации доброму человеку? Отвечаю: добрый человек в такой ситуации сойдет с ума. Но таких добрых людей практически нет, и с ума тут сходят весьма редко. А человек «нормально» добрый пусть выдаст убийцу родне убитого – казните сами, ваше святое право. Что часто и делалось.

Я гну вот к чему. Любое действие в жизни рождает противодействие. Все новое рождается в борьбе со старым и так далее. И что бы ты ни делал – обязательно наступишь кому-нибудь на хвост. Уже самим фактом своей удачи, открытия, нового слова, красивого и хорошего супруга, интересной работы, богатого дома – у тебя есть то, что могло бы принадлежать другому, или принижает другого. Твое мнение чьему-то противоречит, твой глоток воздуха мог бы вдохнуть другой.

И всегда найдутся люди, которые скажут: я не хуже тебя, дай мне то, помоги мне в этом, уступи мне се, поступи по-моему, иначе мне плохо. «На», – скажет добрый человек, и останется никем и ни с чем.

Доброта есть аспект слабости. Ибо добрый человек все противоречия между собой и окружающими решает в пользу окружающих – он принимает их нужды как свои и следует им.

Вся история прогресса в определенном аспекте есть история подавления победителями интересов побежденных. Централизованные государства, без которых невозможно развитие культуры и цивилизации, давили интересы отдель-

ных людей: плати налоги! иди в армию! строй пирамиды! подчиняйся власти! не противоречь! а для несогласных – тюрьма и плаха. А иначе невозможно... Добрый же король, кот Леопольд, призывающий жить дружно, – открывает народу амбары, распускает рекрутов из армии, уменьшает налоги до предела – и захиревшее государство погружается в смуту, разруху, исчезает. Вот зараза.

Учтем и запомним простую вещь:

делать добро не означает быть добрым.

Как? А вот так. От государя, скажем, требуется, чтобы подданные процветали – вот его задача, вот его добро. А для этого необходимо ему железной рукой сокрушать захватчиков, давить заговорщиков, вешать воров и понукать бездельников, чтоб общее добро зря не прожирали. А иначе ухватистые авантюристы растащат все по своим уделам, и корми голодных своей добротой, пока не вымрут.

На пять веков заложил Цезарь все основы процветающей Римской империи – а был взяточником, клятвопреступником, карьеристом и головорезом. Добрым людям в больших делах ловить нечего.

Привет от всех крупных политиков – крутые были ребята, и пробы на них ставить негде.

Тут вот еще какая штука. Если человеку ничего такого особенного в жизни не надо – ему легче быть добрым, т.е. следовать нужде другого, отдавать ему свое время и силы. А если он горит своей целью – отвлечения от пути к цели

ему несносны, цель ему дорога, он ей всю жизнь подчинил, и поступаться ею он не хочет.

Доброта – обычно аспект вялости и бесцельности. Тот, кому безразлично, что делать – при прочих равных скорее откликнется на нужду другого, чем фанат своей идеи, пашущий на нее день и ночь. Обычно добрые, истинно добрые люди – весьма заурядны и ничего такого в жизни не добиваются. Не шибко хотят, не очень и могут: энергетический заряд не тот.

Добрые (и слабохарактерные) люди – обычно таковы большинство алкоголиков. По трезвянке – славные и порядочные. Да вот ничего им особенно неохота.

Такие люди, помогая другим, даже приободряются, подзаряжаются энергией других, мелкая промежуточная цель в жизни появляется, жить им делается интереснее.

Если человека распирает энергия свершений и он отчаянно самореализуется через свои дела – ему как бы некогда быть особенно добрым. Поделиться без ущерба для себя еще можно, а ход свой замедлять ему несосно. Может, он телефон изобретает, или лекарство от СПИДа – для блага человечества. А сам сука честолюбивая и жадная, – талантливая, правда. А начнет быть добрым и всем помогать – и ни хрена не изобретет.

Доброта – это собственная энергия, пущенная в чужие русла. Излишек – пожалуйста, а если много выходит – задумайся о том, что твоя жизнь неполноценна, что ты не знаешь,

чем толком в жизни заняться.

А сила действующая и созидательная вечно отдавливает пальцы тем, кто оказывается рядом. Такое дело...

Но. Но. Но...

Всегда, однако, добрые люди ценились и почитались. На частном житейском уровне, вне политики и великих свершений, доброта всегда была вещью хорошей и желанной. Э?

Первое. Каждый хотел бы иметь вокруг себя побольше добрых людей. Добрый человек – благо для тебя, с тем и ассоциируется.

Второе. Добрый человек увеличивает твои силы и возможности своей помощью. Еще бы он тебе не нравился.

Третье. Доброта окружающих смягчает их же эгоистичность, противоположностью которой является. Среди сто процентных эгоистов жить уж вовсе мерзко и непереносимо, ну до костей же обгрызут. Если вовсе никак не вникать в нужды друг друга, так и вообще выжить невозможно. Человек все-таки существо стайное.

Четвертое. С точки зрения уже доброго человека. Через доброту (а она сродни великодушию) человек внутренне самоутверждается: я могу сделать другому то-то и то-то, я могу другого осчастливить, я могу сделать другому то, чего он не может сделать сам, или даже вообще никто не может, – я довольно значительный человек. Мне это приятно, желанно.

Пятое. Я хороший человек. А это не каждому по плечу. Я могу то, что довольно трудно: оторвать от себя и дать

другому, это значительный поступок; и ощущения от этого неслабы и приятны, опять же.

Шестое. В человеке, которому я делаю сейчас добро, я люблю это самое добро, и жизнь моя от этого в общем делается богаче и лучше. Недаром же мы обычно лучше относимся к тем, кого облагодетельствовали, чем к тем, кто облагодетельствовал нас.

Все то же, что всегда: эмоции и поступки, и стремление к ним. Отнять у себя и дать другому – это и отрицательные ощущения потери, и положительные ощущения своей значительности, и поступок как результат и одновременно источник ощущений. Ведь если двое делают что-то каждый для себя – или каждый для другого, – это не одно и то же. Внешний результат один, а внутренний – разный: дать и принять – гораздо больше, чем сделать себе.

Доброта – это распространение «напрямую» своих ощущений, помыслов и действий на других людей, – т.е. все то же самое пресловутое увеличение своей значимости в этом мире.

Доброта – это то, что как бы скрепляет и цементирует отдельных людей в человечество – не на уровне конкретных и реальных связей через поступки и взаимные услуги и их действия (я охочусь – ты варишь, я пашу – ты строишь), а на базовом и исходном уровне ощущений (ты мне, я тебе, мы вместе). В услугах и действиях-то можно ведь и автономии достичь – вот те натуральное хозяйство, и провались все

пропадом, как вы мне надоели. Единство человеческой цивилизации организовано не механистически – оно базируется на уровне психологической структуры, к ней восходит.

Понятно ли? Не потому вместе, что иначе не выжить; не потому вместе, что это продуктивнее; но – выживание и дальнейший рост цивилизации сообщества обусловлены и обеспечены, на уровне индивидуальной психологии человеческой особи, способностью самостоятельно и добровольно принимать нужду другого как свою собственную – и испытывать от этого положительные эмоции. Ага.

Остается только пустячок: как же совместить доброту как слабость и доброту как силу, да?

Во-первых, ясно, дело в пропорции: не отдавай другим много, но если вовсе ничего давать не будешь – заплюют, отвернутся, в лес изгонят или убьют в закоулке дворца.

Во-вторых, сила индивидуума не означает силы народа или страны: крутых и сильных сейчас, скажем, в России много, а страна слаба (все всех и гложут).

И в-третьих: чтоб сильные строили свои высотные замки, нужны добрые, чтоб внизу тоже была человеческая жизнь: в пустыне-то замки никому не нужны.

И четвертое: если все будут очень сильными, будет сплошная анархия, резня и развал; для общей силы сообщества излишек индивидуальной силы необходимо сбрасывать, а то котел взорвется и осколки полетят; в ту же доброту, в этом нашем конкретном разговоре, определенный излишек

силы и сбрасывается, пускается: кирпичам необходима связка раствором.

А уж блок ты гранитный, кирпич, цемент в растворе или вода для него – это вопрос личностный, кто на что годен, кому что.

Одни делают свое. И они необходимы.

А другие, добрей и попроще, обеспечивают им возможность делать свое, и тоже живут посильно, и часто даже не так плохо, часто даже лучше по-человечески-то, чем эти сильные, многодеятельные и малодобрые. Такие дела.

Добро и зло

В неживой природе есть лишь естественные процессы, идущие по естественным законам, и не имеющие отношения к морали вообще и к добру и злу в частности. Извержение вулкана, рождение и гибель галактики – при чем здесь мораль.

Добро и зло могут существовать лишь для субъекта – в его восприятии, отношении, оценке чего-то: будь то сторонний процесс или объект, конкретное событие или какой-то общий аспект бытия, или же какие-то собственные черты и особенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.